

● ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ!

Для тех, кто ценит свое время:
СБЕРЕГАТЕЛЬНЫЙ БАНК СССР
производит в разовом порядке и по
длительному поручению безналич-
ные расчеты по платежам за кварти-
ру, газ, электроэнергию, телефон, со-
держание детей в детских учрежде-
ниях, за коммунальные и другие ус-
луги путем списания этих сумм с Ва-
шего счета по вкладу.

Бланки
для оформления поручений
Вы можете получить
в любом учреждении
Сберегательного
банка СССР.

БЕЗНАЛИЧНЫЕ РАСЧЕТЫ — делъ-
вой стиль современного человека!

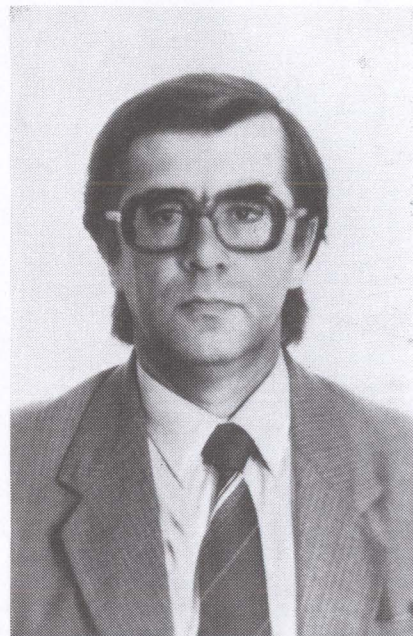
ISSN 0132-2095. Б-ка «Огонек». 1990. № 37. 1—48.

ОГОНЁК

№ 37

1990

Сергей ЧУПРИНИН

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»

СИТУАЦИЯ

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 37

Издается с января 1925 года

Сергей ЧУПРИНИН

СИТУАЦИЯ

БОРЬБА ИДЕЙ В СОВРЕМЕННОЙ
ЛИТЕРАТУРЕ

Москва. Издательство «ПРАВДА»
1990

Сергей ЧУПРИНИН

Сергей Иванович Чупринин родился в 1947 году в городе Вельске Архангельской области. Окончил Ростовский-на-Дону университет и аспирантуру Института мировой литературы им. А. М. Горького АН СССР. Кандидат филологических наук. С 1976 по 1989 год обозреватель «Литературной газеты». Печатался также в журналах «Огонек», «Знамя», «Новый мир», «Юность», «Дружба народов», «Вопросы литературы», «Литературное обозрение» и др. Автор литературно-критических книг «Твой современник», «Чему стихи нас учат», «Крупным планом», «Прямая речь», «Критика — это критики», «Настоящее настоящее».

С августа 1989 года — первый заместитель главного редактора журнала «Знамя».

СИТУАЦИЯ

Писать литературные обзоры сейчас затруднительно.

Почему?

Да потому хотя бы, что современная литература так редко появляется на печатных страницах или, вернее сказать, так редко приковывает к себе всеобщее внимание, вызывает споры, эмоционально активное к себе отношение, что кажется, будто ее и вовсе нет.

Не первый уже год молчат едва ли не все наиболее именитые наши писатели. То есть не молчат, конечно, говорят — и порою очень громко, но... их — даже и самые эффектные — статьи, реплики, интервью, парламентские речи и непарламентские высказывания не заменяют отсутствующих, увы, романов, повестей, поэм, рассказов.

Больше ходу стало, конечно, молодым, и тем в особенности, кто числился у нас по ведомству андеграунда, эстетического подполья, но... читательское, общественное отклика, во всяком случае, такого, на какой, казалось, можно было бы рассчитывать, пока что не получили ни долгожданная «Весть» (М., «Книжная палата»), ни бликующие «Зеркала» (М., «Московский рабочий»), ни патетическое «Слово» (М., «Современник»), ни другие альманахи, сборники, книжные и журнальные публикации полузапретных еще совсем недавно прозаиков и поэтов.

Бесперебойно издаются, конечно, всякого рода посредственности (имя им по-прежнему легион), орудуют, конечно, под шумок «юрчайшие» — те, кому все равно, что славить, все равно, что обличать, — но... кто же читает их теперь, когда не поспеваешь охватить взглядом даже публикации И. Шмелева и А. Ремизова, М. Алданова и Р. Гуля, В. Гроссмана и А. Солженицына, А. Бека и В. Аксенова, С. Кржижановского и Саша Соколова, В. Войновича и Г. Владимова — писателей интереснейших, хотя и по-разному, да вот беда — не имеющих прямого отношения к тому, что принято называть современной советской литературой, той то есть, что создается здесь и сейчас.

Да и критику если взять... Такое впечатление, что она не только ушла в публицистику, стала орудием идеологической агитации и контр-агитации, но и напроць утратила интерес к текстам, заменила внимание

к литературе вниманием к «литературной жизни», а часто и к «литературному быту».

Так что хочешь не хочешь, а спросишь вослед и Шукшину, и нынешним газетно-журнальным витиям:

Так что же все-таки с нами происходит?

Еще совсем недавно многим казалось, что ответ на этот вопрос обескураживающе ясен: перестройка сняла, мол, дисциплинирующие скрепы и ограничения, гласность развязала-де стихию в з а м н ы х разоблачений и поношений, грубых, часто скандальных перебранок по любому поводу и в любой ситуации. Как говаривали в похожих условиях лет восемьдесят назад, «начальство ушло», занялось, вернее, более существенными проблемами, предоставив писателям, деятелям культуры право самим разбираться в своих делах. И... братья писатели, оставшись без присмотра (а русского писателя оставлять без присмотра нельзя) пустились, мол, во все тяжкие, стали сводить счеты, высказывать амбиции, бороться за популярность и лидерство.

«Огонек» пошел войной на «Молодую гвардию». «Наш современник» схлестнулся с «Юностью». В. Распутин сделал выговор А. Рыбакову и получил соответствующий выговор от В. Коротича. Т. Толстая мазнула В. Белова словом «человеконенавистничество» и услышала в ответ, что сама-то она, ополчаясь на «совесть русского народа», пишет прозу жеманную и салонную, заведомо «нерусскую» и заведомо «бессовестную». Шесть знаменитых писателей и С. Бондарчук сообщили в «Правду» о подрывной деятельности «Огонька» и «огоньковцев» — десять не менее знаменитых писателей с гневом отвергли и эти обвинения, и этот — столь знакомый по преданиям — способ решения литературных споров. В. Коротичу припомнили то, что он писал лет десять назад; П. Проскурину — то, что он подписывал лет двадцать назад; В. Солоухину — то, что он произносил лет тридцать назад; В. Максимова — то, что он печатал лет, поди уже, едва ли не сорок тому...

Тормоза явно отказали. Морально-политическая дискредитация оппонентов стала нормой, а зачастую и целью литературной полемики, причем строится она сейчас, как правило, не на выдвижении аргументов и контраргументов, а на принципе «А судьи кто?» или «Сам съешь!», вызывавшем меланхолическую усмешку еще у Пушкина. Помните: «Булгарин говорит Федорову: ты лжешь, Федоров говорит Булгарину: сам ты лжешь. Пинский говорит Полевому: ты невежда, Полевой возражает Пинскому: ты сам невежда, один кричит: ты крадешь! другой: сам ты крадешь! — и все правы?»

То, что раньше рaiлось под спудом, было достоянием кулуарных разговоров и частной переписки, вырывалось на печатные страницы, размножилось в миллионах экземпляров, и верх — над привычными призывами к «консолидации», к «культуре дискуссии» — взяли, не могли не

взять то ли не изжитая за десятилетия логика гражданской войны с ее простыми правилами: «Кто не с нами — тот против нас», «Если враг не сдается — его уничтожают», — то ли, что, мне кажется, столь же вероятно, бытовое озлобление, очень даже хорошо знакомое каждому советскому человеку.

Уважение к литературе резко возросло — с публикацией на родине «Реквиема» и «Котлована», «Доктора Живаго» и «Факультета ненужных вещей», «Жизни и судьбы» и «Архипелага ГУЛАГа», иного многого оказалось, что не вся она сыто подремывала во дни и сталинской «железной зимы», и хрущевской «оттепели», и брежневско-андроповско-черненко-заморозков», и что ей есть что явить, что сказать соотечественникам, чем оправдать свой традиционно высокий в России авторитет властительницы дум.

А вот уважение к писателям благодаря вакханалии взаимных разоблачений резко упало — и об отдаленных последствиях для нашей культуры этой печатной поножовщины можно лишь с тайным ужасом догадываться. Недаром ведь уже и сейчас гораздо большую симпатию у многих вызывают не те литераторы, что преотважно лезут в драку, а те, что хладнодушно (мудро? трусливо?) отмалчиваются, отходят в сторону: пусть схлынет, мол, смута, пусть иссякнут, выдохнутся дурные страсти...

Так в чем же дело? Почему легализованная известными партийными решениями борьба и д е й в современной литературе, их здоровая составляющая тотчас же, как кажется многим, выродилась в борьбу л ю д е й, а противостояние п о з и ц и й — в противостояние а м б и ц и й, в остервенелую конкуренцию более или менее мощных литературно-политических группировок, кланов, движимых, как опять-таки кажется многим, исключительно корыстными интересами?

Может быть, и в самом деле «люди гибнут за металл», и может быть, есть резон в нередких за последнее время призывах к властям: да наведите же наконец порядок в писательском стане, да верните же наконец гласность в привычные, обжитые берега, да дайте же наконец укорот наиболее распоясавшимся, забывшим о приличиях и о моральной, идеологической, прочей дисциплине? Пусть, мол, экстремисты и «правой» и «левой» стороны очнутся, задумаются о своей р а в н о й в и н е, р а в н о й ответственности за сложившееся положение...

Равной?

Будем откровенны.

Корыстные соображения действительно дают о себе знать, — например, в хлопотах о том, чтобы на века сохранить статус-кво, то есть прежний, «застойный» порядок распределения тиражей, должностей, почестей и гонораров. Корыстными, — правда, на совсем уж поверхностный взгляд — могут показаться и раздающиеся со страниц «Известий», «Огонька», «Книжного обозрения», «Юности» требования экспроприировать экспроприаторов, отнять у Ю. Бондарева, М. Алексеева, Ан. Иванова, Е. Исаева. С. Михалкова, прочих писателей-«миллионщиков»

(термин Т. Ивановой) хотя бы часть бумаги, позиций в издательских планах.

Но зачем отнять-то? Затем, что «можно было бы на этой бумаге издать пятитомник Б. Пастернака, четырехтомники О. Мандельштама, А. Ахматовой, Н. Клюева, трехтомник И. Бабеля...», как пишет один из «огоньковских» авторов.

Так корысть ли это? И стоит ли всех подряд мазать одним дегтем, а заботу о восстановлении литературной справедливости, об интересах культуры и читающего народа уравнивать с заботой об интересах немногих «миллионщиков» и их верных «личард»?

Разные это, что ни говори, интересы, и цена им разная.

То же и с пресловутой этической невоспитанностью наших газетно-журнальных ратоборцев. Пелена ярости действительно часто застит им очи, слова у них срываются с языка действительно самые оскорбительные, и разницы в тоне, в степени горячности между, допустим, Б. Сарновым, П. Карпом или, допустим, А. Казинцевым, А. Байгушевым действительно нет.

Впрочем, есть, и для того, чтобы увидеть эту разницу, достаточно сравнить, как и что в «Огоньке» пишут о «Молодой гвардии», «Москве», «Нашем современнике», а в этих трех журналах об «Огоньке».

В первом случае предельно резкой, «истребительной» критике подвергаются позиции недружественных изданий, их публикации, политические убеждения, эстетические взгляды и литературное поведение их руководителей. Что же касается биографий, морального облика и даже собственных сочинений Ан. Иванова, М. Алексеева, С. Видулова (теперь уже — С. Куняева), то они остаются при этом, как правило, вне зоны критического обстрела...

Во втором же случае, с «Огоньком», с его позицией и его публикациями, конечно, сражаются, и ожесточенно, но еще пуще, еще агрессивнее и непримиримее нападают на самого В. Коротича. Иногда даже кажется, что ярость у антагонистов «Огонька» вызывает не столько сам журнал как таковой, сколько личность его главного редактора, и цель компрометации состоит не столько в том, чтобы переспорить авторов популярного еженедельника, оттолкнуть от него читателей, переманить их к себе, сколько в том, чтобы, переведя разговор из сферы полемики в плоскости «кадровой политики», добиться устранения именно В. Коротича.

Или А. Ананьева — если речь в журналах «тройственного союза» («Москва», «Молодая гвардия», «Наш современник») * заходит об «Октябре». Или Е. Яковлева и А. Беляева — если под прицелом оказываются

* «Одинокими утесами стоят и принимают на себя валы озлобленной клеветы «Наш современник», «Молодая гвардия» и «Москва». Предвижу злословие остряков и все же не удержусь и сравню их с легендарными тремя богатырями» («Молодая гвардия», 1989, № 8).

«Московские новости» и «Советская культура». Или А. Стреляного — когда дебатировался вопрос о том, кому возглавить издательство «Советский писатель»...

Словом, если в «Огоньке», похоже, все еще верят в способность идей, громко высказанных, стать материальной силой, то в «Молодой гвардии», других изданиях этого рода накрепко усвоили: идеи идеями, но не они, а «кадры решают все», — и эту «тонкую» разницу между внешне сходными полемическими импульсами не следует, мне кажется, упускать из виду.

Как не следует упускать из виду и то, что в условиях отнюдь не потерявшей силу командно-административной системы «кадровый подход» всенепременно оказывается результативнее всех прочих. Достаточно припомнить, как в год-полтора «тройственный союз», благословляемый руководителями Союза писателей РСФСР, прибрал к рукам сначала «Московский литератор» (насадив туда Н. Дорошенко), затем «Литературную Россию» (заменив М. Колосова Э. Сафоновым) и, наконец, «В мире книг» (переименованный новым главным редактором А. Ларионовым в «Слово» — не путать ни с телевизионным литературно-художественным видеоканалом «Слово», ни даже с «современниковским» альманахом «Слово»). Достаточно посмотреть, как штурмом пытались взять «Октябрь», или на то, как — в итоге «демократических» выборов — изменился в пользу все того же «тройственного союза» качественный состав правления издательства «Советский писатель»...

Это во-первых. А во-вторых, с какой бы похвальной суровостью ни относились мы к «крайностям», «перехлестам», «экстремизму» враждующих сторон, «гражданская война» в литературе тем не менее идет, накал ее не ослабевает, в междусобицу втягиваются все новые и новые бойцы, удержаться над схваткой оказывается все труднее, вопрос: «С кем вы, мастера культуры, — с «Нашим современником» или «Дружбой народов», с Василием Беловым или Василем Быковым?» — все неотступнее возникает даже перед самыми хладнодушными и хладнокровными, так что...

Так что пора бы уж нам — здесь и только здесь я охотно соглашусь с М. Любомудровым — признать как неотменяемую, не зависящую от наших оценок данность, что происходящее ныне в литературе, в литературной печати есть никакая не «групповая», а прежде всего и по преимуществу *и д е й н а я , о б щ е с т в е н н о - п о л и т и ч е с к а я* борьба двух сил, не совпадающих и даже противоположных в понимании и в отношении к судьбе России, русского народа, к его культуре, духовным и нравственным ценностям, к его земле и природе, к его будущему, наконец».

И пора бы наконец сказать, что у демократизации и гласности времен перестройки есть только один важный недостаток — их заведомая неполнота и урезанность.

Я уверен, что досадные недоразумения, стычки не по существу реже возникали бы в наших спорах и враждующие стороны реже прибегали бы к взаимным оскорблениям и поношениям, будь возможность высказывания действительно полной, а расхождения в позициях действительно прочерчены с должной рельефностью.

И более того.

Я убежден, что литературе не понадобилось бы так «политизироваться», а литераторам так ожесточаться, так воевать друг с другом, если бы импульс, заданный в апреле 1985 года, был более устойчивым, а воля к реформам, к переустройству всей жизни страны и народа явилась бы более последовательной и более неуклонной.

Что имеется в виду?

А вот что.

«Средь бурь гражданских и тревоги...»

В России, как давно и не нами замечено, в бедственном положении почти всегда находились церковь, суд и школа, так что русской литературе едва ли не с самого момента ее возникновения и утверждения пришлось взять на себя обязанности духовника, «совестного судьи» и учителя общества.

Перефразируя известные слова, можно смело сказать, что литература действительно «наше все» и что нет ничего в духовной, нравственной, интеллектуальной и эмоциональной жизни русского народа, что не преломлялось бы с наибольшей выразительностью и полнотой именно в литературе.

Это, кажется, аксиома, и с нею вряд ли есть смысл спорить.

Есть смысл лишь добавить, что в России всегда было плохо и с политической жизнью, с ее нормальным, то есть «гласным», легальным функционированием, с реальным взаимодействием как противостоящих, так и сотрудничающих, но разноориентированных политических партий, общественных движений, идеологических общностей, и уже поэтому литература — опять-таки от начала времен, на всем протяжении российской истории — была у нас не только литературой, «художеством», словесным искусством, но еще и (а в иные моменты — и прежде всего, в первую очередь) формой бытования политики, каналом, в который устремлялись гражданские страсти, религиозные эмоции, идеологические убеждения и социальные интересы самых разных общественных групп и слоев.

Литература и тут восполняла собою привычную для России и русских нехватку всего того, что остальной мир издавна предоставляет с избыточной щедростью и шокирующей откровенностью.

Журнал — будь то «Современник» Некрасова и Чернышевского, «Москвитянин» Погодина и Шевырева, «Гражданин» Достоевского и Мещерского, «Мир Божий» Ангела Богдановича или «Новый мир» Алек-

сандра Твардовского — всегда стоил у нас кафедры. Литературные направления и «школы» играли роль, сопоставимую с ролью политической оппозиции как «правых», так и «левых» оттенков. Споры «западников» и «славянофилов», радикальных демократов и «жрецов» чистого искусства, последних русских литераторов-народников и первых русских литераторов-марксистов были озвучены пафосом не столько эстетического разнообразия, сколько мировоззренческого, идеологического противоборства. А столкновения и сближения видных писателей, едва ли не за каждым из которых угадывалась более или менее мощная, хотя, как правило, и не оформленная организационно группировка единомышленников, заменяли собою — пусть даже только отчасти, отдаленно — парламентскую борьбу...

Недаром же и отношение современников к писателю у нас в значительной степени определялось не столько его художественными произведениями, сколько его гражданским поведением, идеологическими взглядами и как следствие политической репутацией!..

Можно как угодно относиться к этим родовым свойствам русской литературы и русской читающей аудитории. Одним они кажутся достоинством, другим пороком, третьим — знаком национального своеобразия. Но, как бы то ни было, это именно р о д о в ы е, чуть ли не генетически заданные свойства. Это норма. Это то, благодаря чему русская литература и русская читающая публика стали именно такими, какие они есть.

Иными словами: русская литература никогда не хотела (не могла?) быть т о л ь к о литературой.

Она никогда и не была т о л ь к о литературой.

Кроме...

Кроме того сравнительно короткого периода в своей истории, который позднее, уже в сталинскую эпоху, вошел в учебники под названием «позорного десятилетия», а ныне вновь вернул себе имя «серебряного века».

Именно тогда — в период, условно говоря, с 17 октября 1905 года, когда был обнародован манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», до, столь же условно говоря, 7 января 1918 года, когда было распущено (вернее, разогнано) Учредительное собрание, — политическая жизнь России больше, чем когда бы то ни было, напоминала жизнь в условиях «классических» демократий европейского образца. Частью возникли, частью легализовались политические партии и бесчисленные «неформальные» организации самых различных оттенков и толков. Права цензуры оказались резко суженными. Развернулись собственные политические, уже не прикрываемые ширмой «эстетики» и «этики» дискуссии в печати, на митингах и собраниях избирателей. Заработала — пусть с немалым скрипом, с паузами, но заработала — Государственная дума, став если не законодателем, то — до известной степени — гарантом гражданских прав. Идеи неприкосновенности личности, свобо-

ды совести, слова, собраний и союзов, заложенные в манифесте, дали толчок к развертыванию широкого спектра мнений по всем вопросам социально-экономической, идеологической, духовной, художественной и нравственно-бытовой жизни страны...

Я не буду спорить, если мне возразят, что реформы царской администрации носили противоречивый, половинчатый характер, что огромная масса народонаселения оставалась выключенной из общественно-политического «кругооборота», что гражданские права и политические свободы были в России скорее декретированы, чем реализованы в повседневной практике, и это-то в конечном счете погубило зачаточную, робкую «русскую демократию», сделало ее нежизнеспособной, беззащитной перед лицом революционных потрясений.

Все так, и я недаром говорю, что общественно-политическая действительность в нашей стране в 1905—1917 годах лишь напоминала действительность демократии. Но...

Но и этого оказалось достаточно, чтобы литература и литературная жизнь страны резко «деполитизировались», утратили собственно идеологический, пропагандистский смысл и тонус. Политикой стали заниматься профессиональные политики, идеологией — идеологи. Или те из писателей, у кого был особый вкус, личностная предрасположенность к политической активности, — например, Максим Горький или Дмитрий Мережковский.

Что же касается подавляющего большинства русских писателей (переберем для памяти некоторые разнородные, но характерные имена: Иван Бунин, Леонид Андреев, Михаил Кузмин, Александр Куприн, Михаил Арцыбашев, Александр Ремизов, Вячеслав Иванов, Александр Блок, Андрей Белый, Николай Гумилев и т. д. и т. п.), то они на исторически краткий миг почувствовали себя именно писателями, а не лидерами нации, не политическими мыслителями, не идеологами.

Политические симпатии автора стали на время его частным, глубоко интимным делом. Публицистичность, как сказали бы сейчас, или тенденциозность, как говорили раньше, отошла на задний план, став резко индивидуализированной «краской» творческой манеры, а не обязательным условием активного участия в литературной жизни эпохи. В литературной печати заговорили о литературе как именно о литературе, а не только как о «зеркале русской революции» или, допустим, выражении взглядов того либо иного общественного движения. Писательские объединения и ассоциации, литературные направления начали возникать и распадаться по мотивам эстетического или часто бытового, но никак не идеологического порядка. Да и в литературной критике стали задавать тон не столько идеологи (хотя и их было предостаточно, причем самых разных толков — от марксистских до «охотнорядских»), сколько «чистые эстетики», а также «практики» — поэты и прозаики русского символизма, натурализма, акмеизма, футуризма и т. д. и т. п.

К этому периоду в жизни русской литературы, как и вообще к этому периоду в русской жизни, можно, повторюсь, относиться по-разному, как по-разному, с диаметрально противоположных позиций относились к свершившейся метаморфозе ее современники — читатели и литераторы. Одни видели (и видят) во всем этом свидетельство декаданса, буржуазного гниения, забвения славных традиций русской демократической литературы и передовой общественно-литературной мысли. Другие, напротив, оценивали (и оценивают) эту пору как нечто напоминающее Ренессанс, насильственно оборванное культурное Возрождение или как своего рода краткосрочную вспышку электрической лампочки перед тем, как окончательно погаснуть либо перевести свое свечение в принципиально иную, — например, ультрафиолетовую или инфракрасную — область спектра.

Одно бесспорно: этот период в жизни русской литературы и русского общества — был.

Зачем же мы о нем вспомнили?

Затем, что в поисках аналогов нынешней эпохе, нынешней перестройке чаще всего обращаешься мыслю именно к поре, рубежной датой для которой стало 17 октября 1905 года.

И вот тут-то отличие мгновенно бросается в глаза.

Если в ответ на реформы восьмидесятилетней давности литература в значительной ее части стремительно деполитизировалась, ушла в «художество», то теперь, в ответ на апрельский (1985 г.) импульс, она столь же стремительно политизировалась, превратилась по преимуществу в публицистику, в прямую речь, обращенную и к народу, и к власти.

Почему?

Да потому, что тогда нашлось, кому литература могла бы верить и ведение острых дискуссий о социальной злобе дня, и формулирование альтернативных — по отношению друг к другу и к «официальной» точке зрения — идеологических программ, и собиравшие единомышленников на той или иной платформе, в тех или иных, как «формальных», так и «неформальных» объединениях, и задачи политической агитации, пропаганды и контрпропаганды.

А теперь?..

Импульс к демократическому плюрализму, к развертыванию широкого спектра мнений действительно задан, и импульс мощный, но организационные формы (будь то легальная парламентская оппозиция, не зависящая от государства, и опять же легальная печать, альтернативные партии, или открытое взаимодействие фракций внутри правящей партии), в которых этот импульс мог бы найти свое закрепление, пока еще только складываются, плюрализм по-прежнему остается на деле плюрализмом мнений, а не организацией, так что не только в литературной, но и в собственно политической жизни страны столкновение позиций все еще часто проявляется как столкновение амбиций, а борьба идей предстает борьбою людей.

Выразительным примером здесь могла бы служить полемика между Б. Н. Ельциным и Е. К. Лигачевым сначала на октябрьском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС, а затем на XIX партконференции.

Или — еще пример — избирательная кампания 1989 года, когда граждане СССР впервые за много десятилетий действительно получили возможность выбора — но выбора между личностями, а не между платформами, поскольку разница между предвыборными заявлениями кандидатов в народные депутаты либо преднамеренно смазывалась, выражалась обиняками, либо в самом деле была скорее стилистической, нежели содержательной, и поскольку агитационные акценты в подавляющем большинстве случаев делались на человеческих качествах и гражданских добродетелях претендентов, а не на их политических убеждениях и намерениях*...

Но пока — вернемся к литературе, исстари славной, как известно, своей безбоязненной гражданственностью, исстари привыкшей брать на себя обязанности, с которыми в силу тех или иных причин некому справиться.

Могла ли она в этой идеологически острой, накаленной и вместе с тем идеологически не проясненной ситуации безмолвствовать или уходить «в красивые уюты» чистого искусства, сугубо эстетических разногласий, а вернее бы сказать, разновкусий?

Конечно, нет, и многое, я уверен, в сегодняшних общественно-литературных баталиях останется для нас тайной за семью печатями, если мы не признаем, что литература, литературная печать накалом своих конфронтаций, их «ножевым», предельно бескомпромиссным характером как бы компенсировала нехватку открытости в противостоянии собственно политических сил, группировок, слоев современного советского общества, а коллективы редакционных работников, авторов (и в конечном итоге читателей), собирающихся вокруг того или иного отчетливо выразившего свою позицию издания, исполняли обязанности своего рода «партий» или, если угодно, «фракций», ведущих борьбу за торжество своих представлений о задачах, направлении, ходе, темпе и средствах перестройки нашего социального уклада.

* Время движется быстро, мы взрослеем, и уже на мартовских (1990 г.) выборах в Верховный Совет РСФСР, в местные органы власти столкнулись не лица, но ассоциации: объединение «Демократическая Россия» и блок общественно-патриотических движений. Взаимодействие фракций определяет и сегодняшнюю жизнь российского парламента, Моссовета, Ленсовета, некоторых других местных Советов, в чем нельзя не увидеть обнадеживающий признак политической нормализации в стране.

От какого наследства мы отказываемся?

Эта борьба разворачивается, что понятно, отнюдь не в лабораторно чистых условиях.

Во-первых, как это и свойственно обычно историческому процессу в России, решение проблем сегодняшнего и завтрашнего дня заметно осложняется нерешенностью или далеко не полной решенностью проблем дня вчерашнего и даже позавчерашнего.

Так, завершись процесс десталинизации еще в годы хрущевской «оттепели»; будь он уже тогда столь же последовательным и всесторонним, как близкий ему по значению и пафосу процесс денацификации в ряде европейских стран; увенчайся он тогда же отчетливыми юридическими, конституционно-правовыми квалификациями и выводами, нам не пришлось бы сейчас снова и снова возвращаться к этой зловещей фигуре, тратить силы в спорах о том, что в условиях демократии не обсуждается, но однозначно оценивается как преступление против мира и человечности и пропаганда чего тем самым недвусмысленно приравнивается — со всеми вытекающими отсюда последствиями — к пропаганде войны, террористического насилия, межнациональной, межгосударственной розни.

И дело даже не в том, что препирательства — и печатные, и судебные — с Н. Андреевой и И. Шеховцовым, их открытыми единомышленниками и тайными покровителями грозят (при отсутствии, повторюсь, столь же однозначного правового решения, как приговор Нюрнбергского трибунала) загнать общество в ситуацию «вечного шаха»; а исходом «вечного шаха» может быть, как известно, только ничья, что вполне, кажется, устраивает «сталинистов» и что явно не устраивает их непримиримых противников.

Корень именно сегодняшней проблемы мне видится в ином — не в столкновении «сталинистов» и «антисталинистов», как это было четверть века назад, а в несогласии, в конфликте «антисталинистов» одного толка с «антисталинистами» другого толка.

Говоря так, я отнюдь не хочу преуменьшить давление собственно «сталинистской» оппозиции перестройке — оно, это давление, судя по косвенным и разрозненным данным, весьма значительно и при неблагоприятных для перестройки условиях еще может — неровен час! — дать мощный выброс на поверхность политической и общественной жизни.

И все же...

Незачем, мне кажется, ни обвинять друг друга в тайной «сталинофилии», ни заявлять как данность и некий будто бы единый «антисталинистский» фронт в литературе, аплодируя без разбору всякому выпадку против ненавистной командно-бюрократической системы, метя клеймом идеологического, мировоззренческого и нравственного тождества явления и высказывания, лишь внешне напоминающие друг друга, подобные друг другу скорее в плане тактики, нежели в плане стратегии.

Так, не покидает, например, ощущение, что сосредоточенность некоторых современных критиков преимущественно или даже

исключительно на первом десятилетии Советской власти и на том десятилетии, которое вошло в анналы под названием «оттепели», и в самом деле объективно небезвыгодна сталинистам, поскольку в укромной тени остается при этом самый страшный, самый мрачный период в трагедии Отечества, а вместе с ним, следовательно, и фигура главного протагониста этой трагедии. Не хочу, естественно, чохом подозревать всех публицистов «тройственного союза» с примкнувшими к ним публицистами «Слова», «Литературной России», «Московского литератора» в предумышленности подобного смещения акцентов, но так или иначе получается, что, осуждая «казарменный» социализм, о с о б е н н о сильно они осуждают все-таки не десятилетия воинственного сталинского тоталитаризма, а как раз те считанные годы, когда тоталитаристская тенденция худо-бедно корректировалась если и не демократией, то по крайней мере надеждами на нее.

То же и с оценкой периода «застоя». О нем действительно трудно сказать доброе слово, и все же... Когда слышишь, что стране, культуре, народу при Брежневе жилось е щ е хуже, чем при Сталине, тут же осекаешься: воля ваша, дорогие критики «брежневщины», но все вины, а возможно, и преступления недавнего политического руководства нашей многострадальной державы бледнеют перед лицом массового террора, той необъявленной, кровавой войны, которую Сталин и окружавший его «сброд тонкошеих вождей» вели против собственного народа. Спорь ни спорь, но разница здесь — если позволить себе преднамеренно грубую, «циничную» метафору — та же, что между публичным домом, где, как известно, растлевают, но все-таки не убивают, и бойней, где все подчинено тупому ожиданию смертного часа...

Впрочем, остережемся от метафор. Их благодаря в первую очередь неполноте гласности, невозможности или неумению высказаться с недвусмысленной понятийной отчетливостью и без того накопилось в литературной периодике предостаточно. Публицистические, литературно-критические статьи и сегодня представляют собою нечто вроде «депо метафор», обиняков, осторожных намеков, эвфемизмов, и не в том даже беда, что, говоря одно, у нас часто подразумевают, как в старом анекдоте, совсем другое. Беда, многими пока не осознаваемая, прежде всего в том, что за вроде бы едиными для сегодняшних спорщиков эвфемизмами сплошь и рядом прячется совершенно различное содержание.

Так, скажем, резкие суждения о Троцком, Свердлове, Зиновьеве, Кагановиче и т. п. могут — в одних органах печати — быть синонимом критики большевистского руководства как именно большевистского руководства, а в других органах печати означать собою нападки на «инородцев» или, точнее выражаясь, на евреев, захвативших власть в российском революционном движении и будто бы навязавших России и русским враждебную им революцию и чуждые им социальные идеи. В первом случае критиков волнует, как видим, и д е о л о г и ч е с к а я принадлежность и ответственность названных выше исторических персон, во

втором же — их н а ц и о н а л ь н а я принадлежность и ответственность. В одном случае мы имеем дело с идеологическими у б е ж д е н и я м и, в другом — с националистическими, а часто и расистскими п р е д у б е ж д е н и я м и и предрассудками, и это различие существенно, особенно если учесть повсеместно распространенную у нас привычку к экстраполированию событий и процессов пятидесяти—семидесятилетней давности на сегодняшнюю внутривластическую и культурную реальность.

Или — еще один пример — очевидно, что апелляция к нравственно-му, литературному и политическому авторитету А. Солженицына имеет разный смысл, допустим, у Ю. Карякина и Вяч. Вс. Иванова, с одной стороны, и у Вал. Сидорова и В. Бондаренко, с другой стороны.

Первых, риску предположить, в таком могучем, многозначном явлении, как автор «Архипелага ГУЛАГа» и «Красного колеса», привлекает прежде всего его беспощадная критичность по отношению к ключевым событиям и фигурам отечественной истории XX века, других — его столь же беспощадная критичность по отношению к современному Западу, к западной «рыхлой» демократии, к западному плюрализму и индивидуализму. При одном освещении А. Солженицын предстает как трибун и глашатай свободы, как бескомпромиссно яростный обличитель всякой тирании, всякого насилия над человеком и обществом; при другом освещении — как идеолог и поэт «авторитарно» («патриархально») сильной власти, подчиняющей интересы личности интересам нации и государства. Одни, словом, — тут опять-таки трудно удержаться от метафоры, — полагают, что Солженицын — это «Герцен сегодня», набатным колоколом пробуждающий страну и народ к созидательной деятельности на мировой арене. Другие же видят в нем нечто вроде русского «аятоллы», который из заокеанского далека незримо если не возглавляет, то благословляет возвращение нации к устоям «доленинской», а возможно, и «допетровской» самобытности...

К чему я об этом говорю?..

К тому, чтобы предостеречь читателя сразу от двух типичных, на мой взгляд, ошибок.

И от эйфорической готовности, не вдаваясь в «нюансы», не беря в расчет движущие мотивы, видеть своего единомышленника в каждом, кто, допустим, без священного трепета оценивает деятельность Свердлова или Бухарина, в каждом, кто радуется возвращению на родину основных произведений «вермонтского затворника».

И от ничуть не менее опасной готовности бросаться на защиту Свердлова или Бухарина и, напротив, высказывать свое неодобрение Солженицыну на том лишь основании, что эти оценки взяты на вооружение литераторами враждебной вам «партии».

Примеры и той и другой крайности печать поставляет нам беспрерывно. То И. Виноградов сочувственно отзовется на интеллектуальную «провокацию» В. Кожинова, решив, должно быть, что их не только многое разъединяет, но и многое объединяет. То, наоборот, Б. Сарнов,

вступив на страницах «Литературной газеты» в спор с тем же В. Кожновым, вдруг — от нежелания, вероятно, хоть в чем-то солидаризироваться со своим заклятым оппонентом, то есть опять же откликаясь на интеллектуальную «провокацию», — начинает защищать Свердлова, доказывать плодотворность коминтерновской идеологии, уличать В. Кожнова в преступном будто бы следовании за Солженицыным и т. д. и т. п.

И это, замечу я вам, опытниейшие бойцы, проницательнейшие аналитики! Чего же тогда ждать от «рядового» читателя, который часто и в толк не возьмет, на что ему идеологически, нравственно, духовно ориентироваться в мире, где М. Лобанов берет под свою защиту вчерашнего «диссидента» И. Шафаревича от вчерашнего же «диссидента» Р. Медведева. Где сам И. Шафаревич зовет к крестовому походу не только на А. Синявского и напечатавший его «Прогулки с Пушкиным» журнал «Октябрь», но и на все «правозащитное» движение. Где В. Конецкий лихо обличает В. Аксенова и как литератора и как человека. Где навещающие нас писатели-эмигранты (например, Н. Коржавин) призывают писателей «метрополии» к кротости и гражданскому миру. Где В. Астафьев и В. Белов оказываются в трогательной «заединчине» с Ан. Ивановым и П. Проскуриным. Где А. Латынина под рукоплескания А. Байгушева причисляет недавнюю свою, казалось бы, союзницу Н. Иванову к «либеральной жандармерии». Где перепечатка редакционной статьи из журнала «Коммунист» становится поводом к увольнению главного редактора «Литературной России» М. Колосова. Где рафинированнейший Д. Урнов брызгливо отзывается о «Докторе Живаго», «Одном дне Ивана Денисовича» и не Булгакова, не Платонова, не Шолохова даже, а Гайдара соглашается признать единственным на всю советскую эпоху писателем-классиком...

Где, словом, все перевернулось и только начинает укладываться. Да и начинает ли?..

«Наши» и «не наши»

Так кто же с кем, кто против кого в этой буче, боевой и кипучей?

Публицисты «тройственного союза» охотно подсказывают: это «народная», то есть «почвенная», интеллигенция сражается с «беспочвенной», то есть либо «иностранной», либо «антинародной», так что в литературе, следовательно, идет уже не «гражданская», а «отечественная» война.

Читателю — с каждым днем все прямее, все откровеннее — намекают: это русские — по крови — литераторы враждуют с «русскоязычными» литераторами-евреями и «полукровками»...

Не мешкает с подсказками и другая, представленная, например, «Огоньком» сторона; вся разница лишь в том, что тут на роль разграни-

чивающего критерия берется не национальный, а социальный и культурный фактор.

Быют, говорят нам отсюда, «дети Шарикова» — и люди культуры; черносотенцы, «фашиствующие» — и подлинные интернационалисты; литературный генералитет, бездарные сановники от литературы — и настоящие писатели; консерваторы, реакционеры, поэты отечественной бюрократии — и демократы, либералы и прогрессисты.

Плодотворно ли хоть в какой-то степени подобное перетягивание каната? Эффективно ли оно по крайней мере в плане общественно-литературной пропаганды и контрпропаганды?

Не думаю. Во-первых, перепалка по схеме: «Мы демократы! — Нет, вы лжедемократы! Мы патриоты! — Нет, вы лжепатриоты!» — не несет в себе ни убеждающего, ни переубеждающего смысла: как бы там ни было, но, по справедливому замечанию С. Кирилова, «ведь демократу предпочтительнее выглядеть в глазах публики лжедемократом, чем сторонником диктатуры, а патриоту — псевдопатриотом, чем космополитом. Так, казалось бы, не все ли равно: употреблять эти определения с компрометирующими приставками или без оных?»

Получается, на мой взгляд, и смешно и грустно: весь пропагандистский заряд обрушивается на тех, кто в агитации заведомо не нуждается, а вот те, кого бы действительно стоило «вербовать» и «перевербовывать», остаются, как и прежде, в стороне, только укрепляясь в совершенно ложной мысли, что перед ними то ли «театр для актеров», то ли нечто вроде спортивных соревнований, «ярмарки тщеславия», где быются не за истину, а за победу, за барыши, за чемпионские медали и ленты.

И, наконец, важнейшее.

Страна большая, литература необозримая — так что у нас все, конечно, есть. Есть шовинисты, и есть космополиты. Есть антисемиты, и есть юдофилы. Есть бездарные литературные генералы и ничуть не менее бездарные «непризнанные гении» от андеграунда. Есть непреклонные догматики и юрчайшие, как говаривал еще Е. Замятин, конъюнктурщики-«перестройщики». Есть — знаю таких — доподлинные «дети Шарикова» и есть высокоумные, высокомерные снобы, действительно глухие к народным страданиям...

Друг друга они явно стоят. Это, мне кажется, бесспорно, как бесспорно и то, что некоторых бурно печатающихся сегодня, бурно враждующих между собой авторов (шушеру, правда, шустрых репетиловых как от «прогресса», так и от «регресса») как только ни обзови — все правдой будет.

Но шушера, она и есть шушера. А вот, например, Валентин Распутин.

Он сражается с «Огоньком». Он печатается в «Нашем современнике». Он не без сочувствия, кажется, относится к лозунгам национально-патриотического фронта «Память». Он в каждом своем публичном выступлении произносит туманные проклятия неким, то ли инонацио-

нальным, то ли безнациональным силам, которые хотят погубить Россию, лишить русских исторической памяти и патриотической гордости. Он враждует не только с Анатолием Рыбаковым, но и с Львом Толстым. Он, похоже, консерватор и, может быть, даже не либерал, не демократ, — по крайней мере в привычном смысле этих понятий.

Все так, но... Рискнет ли кто-нибудь назвать Распутина бездарностью? Или личиновником, для которого, по хлесткой формуле Т. Ивановой, «главное — не потерять сосиски»? Или, наконец, сталинистом, идеологом и поэтом отечественной бюрократии?

Или Юрий Черниченко. Он печатается в «Огоньке», в «Знамени», в «Московских новостях». Он не скрывает своего отношения ни к «Памяти», ни к журнальному «тройственному союзу». Он рекомендует нашим хозяйственникам идти на выучку к «капиталистам». Он надеется на то, что и у россиян образуется со временем привычка к парламентаризму... Но... рискнет ли кто-нибудь отлучить Ю. Черниченко от «народной интеллигенции», отыскать в его родословной «инородную» примесь, поставить ему в вину элитарность или равнодушие к судьбе русского крестьянства?

Поневоле вспомнишь времена застоя — тогда выбор «наших», «своих», был куда проще и куда комфортнее (в психологическом отношении), чем ныне. Хватало вкуса и элементарной личной порядочности, чтобы отличить стоявших под знаменами официоза от тех, кто находился в более или менее проявленной оппозиции к нему. Торжествовал вот именно то принцип духа культур в рамках одной национальной культуры, причем на одном фланге собралось (почти без исключений) все чиновное, наглое, бездарное, трусливое и подлое, а на другом (опять-таки почти без исключений) все отмеченное умом, талантом, совестью и честью. Существовала по крайней мере иллюзия оппозиционного единства культуры в борьбе с насаждавшимся сверху бескультурьем, в противостоянии бюрократии, казенной идеологии и казенной псевдолитературе.

В те годы — вспомните-ка — можно было одновременно и без урона для своей репутации печататься и в «Дружбе народов» и в «Нашем современнике»; В. Солоухин обращался к А. Вознесенскому с приветственной статьей, а А. Вознесенский отвечал В. Солоухину дружественным стихотворным посланием; В. Распутин не считал для себя зазорным писать предисловие к роману Евг. Евтушенко; Ю. Трифонов представлял публике А. Проханова; Д. Самойлов называл Ю. Кузнецова одним из наиболее многообещающих современных поэтов; В. Кожин поощрительно высказывался о стихах А. Межирова и прозе А. Битова, а ваш покорный слуга — о стихах С. Куняева и В. Устинова; В. Бондаренко благополучно совмещал свою любовь к В. Маканину с любовью к Д. Жукову, и симпатию к Д. Гранину с симпатией к Ю. Бондареву...

Теперь все это и вообразить-то себе невозможно. Распадение культуры надвое сохраняется, но демаркационная линия проходит совсем не

там, где раньше, не столько отделяя официоз от оппозиции (да и кто теперь у нас олицетворяет официоз, кто оппозицию?), сколько раскалывая станы вчерашних «подручных партии» и вчерашних «диссидентов», дробя привычные писательские ассоциации (допустим, «деревенщиков», или допустим, «сорокалетних» с «тридцатилетними»), очерчивая альянсы, которые до сих пор многим кажутся противоестественными.

Например, альянс «заединщиков», где «смешались в кучу» Нина Андреева и Игорь Шафаревич, Виктор Астафьев и Петр Проскурин, Валентин Распутин и Иван Шевцов, Феликс Кузнецов и Михаил Лобанов, Татьяна Глушкова и Феликс Чуев, Владимир Личутин и Александр Проханов, Вадим Кожин и Владимир Фирсов... — то есть, иными словами, настоящие писатели сошлись с патентованными бездарностями, авторы, на взлете поддержанные А. Твардовским и его «Новым миром», с теми, кто карьеру сделал на изничтожении и А. Твардовского и «староново-мировского» духа, ревнители патриархальной старины и «соловьи Генштаба», пламенные сталинисты и столь же пламенные тираноборцы, защитники классической культуры и идеологи социалистического реализма...

Я вижу разницу между ними. Я и отношусь к ним по-разному, ибо одних из только что перечисленных деятелей «тройственного союза» нельзя не уважать*, а других уважать нельзя. Я понимаю, что Игорь Шафаревич не отвечает за сталино- и ГУЛАГ-олюбие Нины Андреевой и что, может быть, гордящегося своей академической выучкой Вадима Кожина временами шокирует соседство с Александром Байгушевым...

Но... Куда деваться от ощущения, что вчерашних antagonистов И. Шафаревича и Н. Андрееву ныне большее все-таки объединяет, чем разделяет, или что В. Кожин и А. Байгушев с разной степенью искренности бьют все-таки в одну и ту же точку?

В самом деле. И И. Шафаревич и Н. Андреева даже ради перестройки, даже ради того, чтобы наш многострадальный народ вздохнул наконец свободно и спокойно, не могут, не желают поступиться принципами. Принципы разные? Ну, как сказать... Относительно бывшего (то есть в оценке Февраля и Октября, Сталина и массовых репрессий), конечно, разные, и то не во всем. Зато вот во взгляде на настоящее и будущее страны, в выборе объектов для опасений и ненависти совпадение нередко полное.

И он и она предполагают, что в бедах России повинны прежде всего инородцы, а проще сказать, евреи. И он и она с подозрением относят-

* Впрочем, признаюсь по совести, даже и самых достойных в этом кругу уважать становится все труднее; воля ваша, но соучастие в доносах, в преследовании своих коллег по политическим мотивам (а что такое «письмо семи», направленное против В. Коротича, и «письмо трех», нацеленное в А. Ананьева, как не постыдно заурядная апелляция к городскому?) ставит под удар репутацию даже В. Астафьева, даже И. Шафаревича.

ся к интеллигенции, видя в ней что-то вроде «пятой колонны», «малого народа», только и мечтающего о том, чтобы причинить зло «большому народу». И он и она убеждены, что губительная для национального сознания и бытия зараза как шла, так и идет с Запада. И он и она предостерегают от увлечения «буржуазным» плюрализмом, поскольку, по их мнению, «несокрушимое морально-политическое единство» (в одном случае оно называется «соборностью», в другом «идейной монолитностью») нам, русским, что называется, на роду написано. И он и она хотели бы ужесточить контроль над средствами массовой информации, провести селекционный отбор в современной культуре (и вообще в культуре XX века), пресечь разного рода социальное, эстетическое и прочее экспериментаторство, «подморозить» если не Россию, то хотя бы ее животворящую художественную, литературную жизнь. И он и она встревожены реанимацией задушенного, казалось бы, отечественного либерализма. И он и она выражение «права личности» непременно ставят в уничижительные кавычки. И он и она не сомневаются: то, что для немца, может быть, и здорово (например, материальная обеспеченность, личная независимость, свобода в передвижениях по миру), то для русского, безусловно, смерть. И он и она видят угрозу в самом существовании «третьей волны» русской эмиграции и ее литературы. И он и она думают, что сильная власть для нас полезнее демократии. И ему и ей кажется, что у нас, у России и русских, нет другого способа спастись, кроме как реставрировать свою самобытность: в одном случае — национальную, в другом — идеологическую...

Словом, повторяя название известной статьи Игоря Шафаревича, перед нами воистину

Две дороги — к одному обрыву

Да и две ли это дороги?

Я долго размышлял о том, благодаря чему же глашатаи национального возрождения и функционеры коммунистической ортодоксии оказываются в одной «партии», осознают себя «заединщиками»?

И вот к чему я пришел.

Дело не в антисемитизме — при всей очевидности этого компонента в психологии и идеологии многих «заединщиков» я (до получения неоспоримых доказательств в каждом конкретном случае) отказываюсь тем не менее считать, что все без изъятия «не наши» поражены расистской проказой. Презумпция невиновности должна, я уверен, действовать и тут, не говоря уже о том, что вопрос о месте еврейства в российской истории и современности есть, несмотря на его жгучесть, вопрос все же достаточно локальный, частный, производный от конкретных.

И дело даже не в национальном чувстве как таковом: оно само по себе естественно, само по себе присуще каждому человеку, и смешно

ведь думать, что, скажем, А. Стреляного или Б. Можая судьбы Отечества, проблемы восстановления национальных традиций, национального своеобразия русской культуры волнуют меньше, чем, допустим, В. Личутина или М. Любомудрова.

Дело в том совершенно особом окрасе, повороте, векторе развития национального чувства, при которых оно перерождается в самоценную и самоцельную национальную и дею, и тогда Россия и русские оказываются в деленных и из сообщества стран, народов и культур, наша историческая судьба отделенной от судеб мира, а наш путь от еденинным от пути, по которому движется мировая цивилизация.

Иными словами, «не наши» — это те, кто на каждой развилке истории, поглядев окрест себя, уязвившись либо успехами, либо бедами других народов, горделиво провозглашает «Мы пойдем другим путем»: будем, например, биться за православную, «всеславянскую» теократию, или строить «первое в мире государство рабочих и крестьян», или на руинах нынешней безрыночной, недоиндустриализованной экономики воздвигать, как советует сейчас И. Шафаревич, да и не он один, некую, ни на что во всем белом свете не похожую «земледельческую» цивилизацию.

Это те, кто в ответ на призыв войти, вернуться в мировое сообщество, воспользоваться наконец опытом, что за столетия накоплен этим сообществом, говорят либо: «Умом Россию не понять, аршином общим не измерить...» (Ф. Тютчев), — либо: «У советских собственная гордость: на буржуев смотрим свысока» (В. Маяковский), — либо наконец: «...Мир не любит рутины, он презирает пошлое единообразие. От каждого народа, от каждого государства мир ждет оригинального, своеобразного мышления, в том числе и в культуре, и в государственном строительстве. Подражательство обрекает на отставание даже в экономике. (...) Существуют способы производства, обусловленные национальными традициями, природно-климатическими и другими особенностями» (речь В. Белова на первой сессии Верховного Совета СССР)*.

Так вот, «не наши» — это те, кто приоритетными во всех без исключения случаях считает не интересы личности, каждого отдельно взятого человека, а интересы некоей надличной силы — будь то интересы церкви, государства, класса, партии, нации, коллектива, — те, кто твердил и твердит: «Единица — ноль, единица — вздор...» — те, кто самозабвенно доказывал и доказывает, что у нас, мол, — вопреки всяким там «буржу-

* Не удержусь от комментария. Неужто Василий Иванович Белов и впрямь думает, что именно «подражательство» обрекло нашу нынешнюю экономику на отставание от всех на свете — не только уж от Японии, но и от Бразилии, и от Южной Кореи, и от Гонконга, «подражательства», как известно, не страшатся и потому спокойно сопрягающих национальную специфичность с общими параметрами мирового производства?

азным индивидуалистам» — по-прежнему должны быть «общие даже слезы из глаз...».

Это те, кто недоверчиво относится к возможностям правового регулирования, к законам и законности, полагая, что гораздо лучше, нравственное судить людей либо «по совести», либо руководствуясь «революционным самосознанием».

Это те, кто психологически всегда находится внутри осажденной крепости, кто привык чувствовать себя живущим во враждебном окружении — будь оно иновещеским, империалистическим или, как сейчас, плюралистическим, — кто в конвергенции, в сближении образов жизни, мировоззрений и культур видит синоним позорной капитуляции, нечто вроде Брестского мира, кто всегда готов сражаться с чуждой (и обязательно чужеземного происхождения) идеологией — вплоть до нынешних, казалось бы, деидеологизированных «космополитизма» и «массовой культуры», — кто готов пугать и пугаться — хоть так:

Зорче глаз крестьянина и рабочего,
и минуту

не будь рассеянной!

Будет:

под ногами

заколеблется почва

почище японских землетрясений.

(В. Маяковский),—

хоть так:

Я чувствую, что кто-то очень страшный

Опять стоит над русскою душой...

(Вад. Кузнецов),—

или даже вот этак:

Иудейские ханы

Не добрее монгольских.

(Вал. Сорокин)

Это те, кто за неимением лучших поводов, готов, как А. Проханов, хвастаться даже нашей «нетривиальной» экономикой. Те, кто как К. Раш, «главной, реальной надеждой народа» считает армию и только армию, а ее офицеров называет «людьми высочайшей духовности и главными в обществе носителями подлинной культуры». Те, кто, как М. Антонов, видит спасение не в технологической революции, не в раскрепощении интеллектуального потенциала общества, а в старозаветных артелях и артельности. Те, кто, как И. Шафаревич, не колеблется: «Единственно возможный выход — перейти от развития, основанного на постоянном росте, к стабильному стилю существования», — словно бы позабыв, что «стабильности»-то мы с лихвой нахлебались в недавние десяти-

летия. Это те, кто как В. Распутин, полагает, что сытость русскому человеку не по нутру, и что материальное благополучие всенепременно лишит нас духовности...

Это те, словом, кому не указ ни пример всего человечества, ни единые, как можно уже, кажется, утверждать, закономерности развития мировой цивилизации, ни даже естественное желание наших соотечественников жить не хуже, чем за морем живут, почувствовать себя наконец-то не «богоносцами», не «авангардом всего прогрессивного человечества», но н о р м а л ь н ы м и людьми в н о р м а л ь н о й стране. Это те, кому непохожесть, отчужденность (сначала религиозная, затем идеологическая и теперь вот национально-культурная) нашей страны от всего человечества важнее — простите мне эту патетику — блага народного, то есть, если уйти от патетики, блага каждого конкретного и отдельно и вместе со всеми взятого человека. Это те, кто в ответ на предложение приглядеться все-таки к тому, как и чем во всем мире люди живут, высомерно отмахивается:

«Но нам Бог послал другую историю, другую жизнь.

Наш мир — «Восток, Россия и Славянство» (К. Н. Леонтьев).

Мы — другие. Нам незачем излишне «европейничать» или «американичить»...» (А. Фоменко).

Я бы назвал их всех — от Нины Андреевой до Игоря Шафаревича, от Валентина Распутина до Александра Проханова, — с а м о б ы т н ы к а м и, присовокупив к этому, что соблазн российской исключительности, «особости» принес всем нам, я убежден, столько бед, как никакой другой.

Но тут необходимы, пожалуй, два важных уточнения.

Во-первых, что бы по этому поводу ни думали вдохновители «тройственного союза» и его волонтеры, я отнюдь не призываю к национально-культурной обезличке, к рабскому обезьянничанью (Василий Белов называет его чужебесием), к добровольной или помимовольной утрате всего того, что в неповторимые цвета окрашивает и наши предания, и нашу культуру, и наш национальный быт.

Жизнь действительно богата многообразием, щедра на оттенки, вариации, особенности, и не горе, а счастье человечества в том, что экономика Японии отлична от экономики Бельгии, государственное устройство Швейцарии не похоже на государственное устройство США, а культура Исландии развивается иначе, чем культура Испании. Все так, но... В чем отличие-то? Вот именно что в о т т е н к а х, а не в основе своей, ибо в о с н о в е народное хозяйство Японии и Бельгии принадлежит к одному социально-экономическому типу, государственное устройство Швейцарии и США зиждется на одном и том же фундаменте представительной, многопартийной демократии, гарантирует гражданам одни и те же в принципе права и свободы, а культура как Исландии, так и Испании идет от одного и того же исторического корня.

Скажут: так то все Запад, а мы, мол, «Восток, Россия и Славянство»! Не знаю, не знаю... Традиционное противопоставление Запада и Востока, а вместе с ним и термин «западничество», к последней четверти XX века, похоже, утратили всякий смысл, ибо «Запад» окружает нас ныне со всех сторон света: он и в стране Восходящего Солнца, и в стране Утренней Свежести, он и в Индии, и в Турции, и в Австралии, и в Египте. То же и с панславизмом, подпитывавшим в XIX веке славянофильские умонастроения: похоже, что сербские, словенские, польские, болгарские, чешские, словацкие братья-славяне все больше тяготеют участью пристяжных в русско-советской упряжке и не в нас, отнюдь не в нас видят сегодня свою надежду и опору... Так что, послушайся мы В. Белова и Ю. Лоцица, И. Шафаревича и Д. Балашова, риск остаться в гордом одиночестве, то есть в изоляции, усилится стократ.

И второе уточнение.

Я еще раз напоминаю, что описанные выше настроения редко сходятся вместе, в пределах одной личной или групповой позиции, что есть разница — часто немалая — между попытками наиболее прогрессивной части ортодоксальных марксистов в борьбе с оголтелыми сталинистами и не менее оголтелыми националистами реанимировать понятие «социализма с человеческим лицом» и попытками некоторых нынешних авторов в полемике как с ортодоксами-марксистами, так и с публицистами «тройственного союза» выработать концепцию «национализма с человеческим лицом». Милитаризованное, имперское самобытичество А. Проханова и К. Раша в нем же, в первом, что называется, предъявлении мало походит на национал-большевизм Ан. Иванова и М. Антонова и уж тем более на рафинированные, отталкивающиеся от «Вех», от русской религиозной философии и от А. Солженицына национал-возрожденческие идеи, допустим, А. Латыниной.

Тут спору нет, и я говорю о самобытичестве не как об идеологии, не как о некоей определившейся в своих очертаниях мировоззренческой общности, а как об умонастроении, как о тенденции, захватывающей и — поверх субъективных намерений — объединяющей в своем самодвижении даже тех, кто и поныне (своя своих не познаша?) все еще шарахается друг от друга и друг друга едко оспаривает.

Хотя...

Коготок уяз — всей птичке пропасть, силы взаимного притяжения с каждым новым днем все отчетливее берут верх над силами размежевания, и...

И вот уже ревнитель всего исконного, всего патриархального и домодельного В. Личутин — вослед безупречному и безоговорочному ортодоксу М. Синельникову — прочувствованной статьей откликается на новый роман трубадура Вооруженных сил, НТР и атомной энергетики А. Проханова, а молодой теоретик «панславизма» А. Фоменко находит, что А. Проханов «полностью реабилитировал себя», пропев хвалу и славу «воинам-интернационалистам» и их «миссии» в Афганистане.

И вот уже доктор философских наук Э. Володин свои рассуждения о бедах православной церкви, о рассказывании и раскулачивании как о геноциде, имевшем целью истребить именно русский народ, прославляет — вослед Н. Андреевой и Ан. Иванову — предупреждениями о том, что разоблачение культа личности Сталина в современных условиях «антипатриотично» и «антинародно», ибо оно-де перечеркивает «всю тридцатилетнюю трагическую и величественную одновременно историю страны и народа».

И вот уже недавние борцы за чистоту идеологических риз, за устои развитого социализма резво меняют сегодня устаревший «классовый подход» на импонирующий многим «национальный» и — вослед уже не вдохновителю «Краткого курса», а недавнему же диссиденту И. Шафаревичу — обличают своих супротивников не в «антисоветизме» и «антикоммунизме», как бывало, а в «русофобии».

И вот уже наконец сам И. Шафаревич не только идеологически обосновывает бытовой антисемитизм, но и сожалеет, что нынешний православный мир не изъявил готовности откликнуться на публикацию «Прогоулос с Пушкиным» Абрама Терца (Андрея Синявского) с такой же воинственной нетерпимостью, с какой «исламский мир» откликнулся на «Сатанинские стихи» Салмана Рушди.

Мы, русские патриоты, горюет И. Шафаревич, все мешкаем и мешкаем, все только собираемся, тогда как на зов аятоллы Хомейни «реальным ответом были грандиозные демонстрации, то, что в столкновениях с полицией сотни людей отдали свои жизни,— и в результате удалось добиться запрета книги во многих странах».

Что означают, спросим попутно, эти поистине удивительные слова члена-корреспондента АН СССР и лауреата Ленинской премии (так обычно — полным титулом — подписывал свои статьи Игорь Шафаревич)?

Что перед нами?

Немыслимое, кощунственное для христианина (да и для атеиста, воспитанного в гуманистической традиции) представление о ценности человеческой жизни, когда на одну чашу весов бросается роман, каким бы он ни был, а на другую — с о т н и т р у п о в, и эта плата за запрещение романа не кажется чудовищно несообразной?

Конечно.

Призыв перенести дискуссию о том, как можно и как нельзя истолковывать пушкинское наследие, на улицу, решить нравственно-интеллектуальную проблему посредством лозунгов и дубинок, — то есть если называть вещи своими именами, призыв к массовым беспорядкам, к вооруженному столкновению разномыслов, а возможно, и к кровопролитию?

Да, к несчастью, и это тоже, и недвусмысленной угрозой веет от фразы: «...наш-то ответ впереди», — которой И. Шафаревич завершает сопоставление историй вокруг книг С. Рушди и А. Синявского. Но мне

в данном случае хотелось указать не столько на моральный и правовой аспект высказываний И. Шафаревича, сколько на безбоязненность и прямоту, с какими этот автор вводит искания наших «заединщиков» в достойный их международный контекст, благодаря чему разговор о нынешних самобытниках и нынешнем самобытничестве сам собою перерастает в разговор

о фундаментализме и фундаменталистах

Мы действительно не одни в этом мире, и, размышляя о спектре причин, активизировавших «самобытнические» настроения в нашей литературе и в нашем обществе, действительно нельзя не принять во внимание и международный контекст, то прежде всего обстоятельство, что, по оценке культуролога Р. Гальцевой, «целый ряд стран Запада на рубеже 70-х годов вступил в фазу преобладания консервативных тенденций».

Мир, — во всяком случае, в соотношении с бурными шестидесятыми — и в самом деле заметно «поправел».

Радикалы, социалисты и социал-демократы почти всюду уступили политическую власть и идеологическое первенство консерваторам и христианским демократам. Молодежные движения, да и вообще любые движения социального протеста резко пошли на убыль, зато усилился авторитет религий, церкви, разного рода конфессиональных ассоциаций как стабилизирующего духовно-социального фактора. «Революционный» утопизм во всех его формах потерял остатки какой бы то ни было привлекательности и встречает теперь все более и более осознанное неприятие. Экологические беды, неконтролируемая экспансия научно-технического прогресса вызвали закономерную тревогу в широких общественных кругах. Консервативность — как психологическая установка — стала популярной, вошла, что называется, в моду — и в интеллектуальную, и в поведенческую...

Так в быту:

пережив сексуальную революцию и шок, связанный со СПИДом, западное общество круто развернулось в сторону пуританской морали, вернуло приоритет фундаментальным, то есть традиционным нравственным ценностям; в почете заново оказалось все то, что и у «нас» и у «них» было принято называть «буржуазными», «мещанскими» добродетелями; любознательность по отношению к разного рода моральной, умственной, поведенческой «экзотике» сменилась устойчивым культом дома, семьи, здорового образа жизни и вообще нормы...

* Еще раз напомним, что в силу процессов «вестернизации», как это называют социологи, «Запад» теперь почти всюду, и выражения «западное общество», «западная культура» впору воспринимать ныне едва ли не как синоним терминов «мировое сообщество», «современная цивилизация».

Так и в сфере художественной практики:

буйство авангарда — с его вызывающе экспериментальной этикой и эстетикой — потеснено (хотя и не вытеснено) традиционализмом; на повестку дня в ряде стран встали задачи сбережения «островков» национально-культурной автономии; молодежные, классово-корпоративные субкультуры либо ушли на обочину, либо оказались интегрированными, вобранными в единое тело современного искусства...

Здесь нет ни времени, ни места для сколько-нибудь обстоятельного сопоставления нашего и чуждого опыта. Достаточно сказать, что аналогии тут напрашиваются вроде бы сами собою и что многое в идеях и идеалах, в практике современного консерватизма не может не пробудить живейший эмоциональный отклик у всякого нормального человека.

Тем более у советского человека, не понаслышке знающего и то, как губительны всякого рода эксперименты над обществом и личностью, и то, как близко мы подошли к краю экологической катастрофы, и то, как легко — упустив из виду духовные ориентиры, потеряв почву под собою — впасть в скотское состояние, и то, сколь худосочна и худородна культура, не питаемая живой водой традиции, утратившая чувство исторической преемственности.

... — Спасти Волгу, Байкал и Российское Нечерноземье.

— Обуздать убийственное и для экономики, и для природы, и для общественной морали ведомственное рвение энергетиков, минводхозовцев, деятелей военно-промышленного комплекса.

— Сберечь те памятники истории и культуры, которые — уж не по недосмотру ли? — были пощажены порубщиками и пожогщиками в предыдущие десятилетия.

— Вернуть человеку Бога и чувство собственного (в том числе и национального) достоинства.

— Разбудить в народе его историческую память.

— Пресечь процесс вымывания таких, казалось бы, элементарных, но ставших в нашей жизни дефицитными качеств, как добропорядочность, милосердие, хозяйственность, честность, нравственная дисциплина.

— Восстановить порушенный авторитет семьи и дома, родовых преданий, телесного и душевного здоровья...

Эти требования, — может быть, единственное, что сегодня всех роднит, — активистов «Памяти» и активистов «Демократического союза», Игоря Шафаревича и Андрея Сахарова, Валентина Распутина и Алеся Адамовича, Владимира Бушина и Наталью Иванову. Поэтому, если действительно, как предлагает Ст. Куняев, «консерватизмом называть» только «защиту Байкала, наших северных рек, спасение исторических памятников, сохранение духовных, вечно живых традиций русской классики, нравственных традиций народа», то не один Ст. Куняев «со товарищи» (как ему и им кажется), но и все «мы останемся «консерватора-

ми» и даже будем гордиться этим» («Правда», 20 октября 1989 г.). Консервативный импульс, охранительные эмоции, понятия — вослед, например, австрийскому теоретику Э. Бузеку — т о л ь к о как «постоянное напоминание о границах и опасностях прогресса и о существовании вневременных ценностей», разлиты сегодня, что называется, в воздухе, так что акцент т о л ь к о на них не может служить критерием мировоззренческого, конфронтационного разграничения, и проблемы тут никакой нет.

Проблема, как и в случае с национальным самосознанием, состоит в другом — в том особенном окрасе, повороте, векторе развития консервативного ч у в с т в а, при котором оно, гиперконцентрируясь, перерождается в омакенившую охранительную и д е ю.

И тогда оказывается, что очень даже привлекательный поначалу разговор о необходимости «снова собирать и созидать семью как единственную нашу надежду» есть на поверку всего лишь отправной пункт для рассуждений о пользительности ничем не ограниченного и никем не контролируемого единоначалия, мудрой «отцовской» власти в государстве («Без отца нет семьи, как нет бригады без бригадира, артели без вожака, корабля без капитана, части без начальника, дома без хозяина, государства без главы. А без уважения к отцу не будет послушания перед командиром, почтения перед начальником, уважения к главе государства», — пафосно пишет, например, К. Раш).

И тогда естественная, оправданная встревоженность демографической ситуацией в России становится поводом для сочувственного рассказа о том, что не зря же, мол, «на некоторых «несанкционированных» митингах употреблялся термин «инородцы» и русских призывали воздерживаться от смешанных браков, заботясь о сохранении своей нации» (И. Шафаревич).

И тогда стремление воспламенить соотечественников религиозным чувством, призвать их к духовному преображению (то есть к акту глубоко индивидуальному, сокровенно интимному) влечет за собою проекты один другого диковиннее и один другого, простите, смешнее вплоть до предложения откупить у государства нынешний бассейн «Москва» и, предварительно освятив, превратить его во всенародную православную купель .

И тогда от неприятия иной точки зрения до приглашения к «охоте на ведьм» остается рукой подать. Столкнувшись с малейшим проявлением не то что несогласия, но даже и безразличия к своим лозунгам, «просвещенный консерватизм» (а именно его пропагандировал Ст. Куняев в октябрьском интервью газете «Правда», именно его теоретическим

* Читатель, еще не забывший, как — скопом — загоняли молодых людей, например, в комсомол, легко, я думаю, вообразит себе и эту картину массового — тысячами, должно быть, — крещения. А там, глядишь, дойдет и до того, что дружинники начнут проверять у прохожих наличие нательных крестиков.

обеспечением заняты сейчас «интеллектуалы-младороссы» — от П. Паламарчука до П. Горелова, от А. Фоменко до И. Дудинского), — так вот в этой ситуации «просвещенный консерватизм» вмиг теряет и респектабельность, и свою просвещенность.

В ход идут самые оскорбительные для оппонентов выражения и предположения. Голос возвышается до заполошного крика. Что же касается действительности, то она рисуется исключительно апокалипсическими красками.

Вот — наудачу — пример из прозы, так сказать, публицистической:

«За последние 70 лет наибольший урон понес русский народ, и это теперь уже никем не оспаривается. Если называть вещи своими именами, то наш народ потерпел историческое поражение и находится теперь на грани генетического, нравственного, а теперь уже и численного вырождения с явными признаками потери государственности и своей территории. Достаточно напомнить о насильственной ликвидации только в последние десятилетия сотен тысяч русских деревень, так что в памяти встает судьба американских индейцев, загнанных в резервации» («Литературная Россия», 9 июня 1989 г.).

А вот и пример из прозы художественной — описание поселковой танцплощадки в рассказе В. Астафьева «Людочка»:

«Со всех сторон потешался и ржал клокочущий, воющий, пылящий, перегарную вонь изрыгающий загон. Бесилось, неистовствовало стадо, творя из танцев телесный срам и бред. Взмокшие, горячие от разнузданности, от распоясавшейся плоти, издававшиеся надо всем, что было человеческого вокруг них, что было до них, что будет после них, в проволоке, за решеткой мотали друг друга, висли один на другом, душили в паре себя и партнера, бросались на огорожу как на амбразуру в военное время, человекоподобные пленные, которым некуда было бежать» («Новый мир», 1989, № 9).

...Знаю людей, воодушевляющих себя и этими картинками — далекими, с горечью скажу, от намерения пробудить «милость к павшим», — и этими воинственными кличами, и этими фантастическими проектами спасения святой Руси. Наблюдал — обычно на писательских собраниях в Москве, на пленумах и секретариатах правления СП РСФСР — за теми, кто, похоже, испытывает нечто вроде мазохистского экстаза, когда при нем (или на нем) рвут рубаху до пупа, раздирают гноящиеся язвы, когда проклинают и заклинают, стращают нечистой (то есть, конечно же, «вненациональной», «некорневой», «русофобской») силой...

Но гораздо чаще встречаю тех, кто, не соблазняясь ни кличами, ни проектами сегодняшних заединщиков-консерваторов, все еще надеется найти в их высказываниях здравую и здоровую основу, отделить, как говорится, злаки от плевел. До сих пор нет-нет да и увидишь в печати рассуждения о том, что и «Память», дескать, не так уж однозначна и что надо, мол, не обращая внимания на «отдельные» экстремистские лозунги, и в этом случае поддержать благородный патриотический порыв как

таковой. Или — еще один вариант, — что не следует «огульно» перечеркивать все, что связано в нашей жизни с идеологией сталинизма и практикой сталинщины: в них тоже-де при ближайшем рассмотрении можно обнаружить нечто фундаментальное, отвечающее национальным чаяниям великороссов и, значит, заслуживающее воскрешения...

Так вот. Я обращаюсь именно к этим литераторам, к этим читателям: возможно, говоря, грядущему историку действительно удастся все расставить по своим местам, отделить «просвещенный» консерватизм от того, какой только прикидывается «просвещенным», воздать должное каждой идее из той суммы, что составляет идеологию «тройственного союза». Мне, современнику «страшных лет России», э т о не удастся, ибо, при всей, казалось бы, эклектичности этой идеологии, перед нами отнюдь не механическое соединение компонентов, где накипь, пену «отдельных» лозунгов, фраз, эмоций легко снять шумовкой.

Перед нами — будем смотреть правде в глаза — х и м и ч е с к а я (хочется сказать — гремучая) смесь, где все связано со всем, где одно не отделяется от другого, так что, например, призыв крепить семью, заботиться о повышении деторождаемости с неперемешанностью — именно в этой системе координат! — влечет за собой призыв воздерживаться от смешанных браков, святое патриотическое чувство осознается как проявление «имперской идеи», а мысль о целебности религиозного воспитания и просвещения приходит к читателю в одном «пакете» с мыслью об оздоровлении современной армии:

«Путь к возрождению воинского духа, к нравственному совершенствованию и очищению Вооруженных Сил, — соловьем заливается «интеллектуал-консерватор» (так он сам себя называет) Игорь Дудинский, — лежит через сближение с Церковью. Необходимо допустить священнослужителей в части и подразделения, создать институт армейских священников. Если в ближайшем будущем удастся наладить союз Армии с Церковью, создать некий Военно-Церковный Комплекс — Держава обретет подлинное величие. Для начала следовало бы пойти на эксперимент, сформировав дивизию (или хотя бы полк) из верующих молодых людей (как бы гордо звучало — Первый Православный Полк!)»...

Так, скажут, то Игорь Дудинский, то Карем Раш, то Игорь Шафаревич!.. Они, похоже, фанатики, экстремисты, а какой же спрос с экстремистов? Не все же ведь сторонники идеи о с о б ы м, консервативным образом спасти Россию таковы?

Верно, не все, и отношения к себе они поэтому заслуживают, безусловно, разного. Но... никуда не денешься от ощущения, что в сегодняшнем контексте различие между ревнителями хоть партийно-коммунистической, хоть национально-культурной, хоть религиозно-церковной исключительности и «особенности» — не в уровне «просвещенности», не в разности ориентиров и путей, а в степени, как сейчас выражаются, «продвинутости» по общему для всех них пути. В том, иными словами, что одни додумывают свою заветную мысль до упора, до стадии практических рекомендаций и попытки воплотить эти рекомендации в жизнь, а другие эту же мысль удерживают на полдороге, в рамках либо культуры, либо кабинетного умствования...

И выясняется, если действительно додумывать до конца, что похожесть наших «интеллектуалов-консерваторов» на «западных» — сугубо внешняя, что аналогом здесь может служить не восходящая линия консервативной тенденции, а линия, ей по сути противостоящая и, мне кажется, нисходящая.

Какая же?

И Шафаревич — своим, если помните, сопоставлением историй с книгами С. Рушди и А. Синявского — отважно подсказывает: и с л а м с к и й ф у н д а м е н т а л и з м, — и эта подсказка и в самом деле не лишена оснований, хотя говорить здесь нужно, конечно, всего лишь о типологической сближенности, о параллелизме и, может быть, внутреннем родстве, но никак не о полном тождестве.

«Куда ж нам плыть?..»

Я далек от предположения, будто все без исключения или пусть даже многие наши, отечественные фундаменталисты (они же «заединщики», они же «самобытники», они же «просвещенные консерваторы») сознательно сориентированы на исламский пример и опыт иранской перестройки, иранского религиозно-государственного, национально-культурного возрождения. Более того, я убежден, что от родства, подсказанного здесь не столько в оценочных, сколько в эвристических, поисковых целях, с негодованием откостят практически все мои оппоненты: одни — по религиозным мотивам, другие — в силу идеологических амбиций, третьи — по соображениям морали.

Видит бог, мне и самому претит эффектность этой аналогии, но дело не в эффектах, а в истине: мы действительно не одни во Вселенной, так что...

Так что боюсь, на особость, на исключительность именно «русского ответа» нам и тут рассчитывать не приходится. Ставя в один гипотетический ряд события, переворотившие жизнь в странах, охваченных исламской революцией, и идеи (п о к а только идеи), завладевшие умами публицистов «тройственного союза» и их единомышленников, видишь, что перед нами, конечно, в каждом отдельном случае специфичная, но в основе своей единая и, наверное, достаточно типичная для обществ, не прошедших вовремя процесс приобщения к мировой цивилизации, как бы закуклившихся в своей особости и «самости», р е а к ц и я как на недавнее (постыдное) прошлое, так и на вероятное (пугающее) будущее.

С недавним прошлым все более или менее ясно, и незачем в полемическом запале преуменьшать усилия многих (хотя, конечно, далеко не всех) нынешних «заединщиков» по демонтажу обветшавшей идео-

* И об этом тоже полезно помнить, так как предстоящие (или представляемые) ныне едва ли не «близнецами-братьями» И. Шафаревич и П. Проскурин, М. Лобанов и Ф. Кузнецов еще совсем недавно и вели себя по-разному, и отстаивали разное, и вознаграждались тоже по-разному: один — хулою, а другие — похвалою, застойным звездопадом почестей, должностей, чиновной ласки.

логической догматики, по выработке в обществе негативного отношения к теории и практике командно-бюрократического социализма.

Будем справедливы: сформировавшись еще в недрах застоя (вспомним «Письма из Русского музея» и «Черные доски» Вл. Солоухина, статьи В. Чалмаева и М. Лобанова второй половины 60-х годов, интеллектуальную деятельность Ю. Селезнева и т. д.) как своего рода «неославнофильство» или, может быть, «неопочвенничество» и сформировавшись в оппозиции не только к «левым», но и к официозу, эта группа литераторов славно потрудились, подготавливая умы к новой оценке до-революционной государственности и культуры. Именно они напомнили о трагедии русского крестьянства и русского мещанства в годы революции, нэпа, принудительной коллективизации. Именно они чаще других твердили о роли православия и церкви в русской истории, о том, что человеку не прожить без духовности и веры. Именно они первыми напомнили о гибельности не контролируемого обществом научно-технического прогресса и т. д. и т. п.

Будем опять-таки справедливы: эти, бесспорно, позитивные по своей сути начала уже и тогда, причем с каждым последующим годом все неразъемнее, увязывались в рамках фундаменталистской оппозиции режиму с тем, что не могло не вызвать — хотя бы у меня, к примеру, да, думаю, и не только у меня — несогласие, недоумение, а часто и протест. Об этом тоже забывать не стоит, но речь пока у нас о другом. О том, что, как к ним сегодня ни относиться, деятели этой ориентации т о ж е отказывались смириться с существовавшим в стране положением дел, т о ж е ждали перемен, т о ж е готовили перестройку.

Они даже громче, может быть, многих прочих били в рельс: «Горит, горит моя деревня, горит вся родина моя...», — и называть их безо всякого разбора «врагами перестройки», на мой взгляд, нельзя.

Они — еще и еще раз повторю для ясности — за то, чтобы стране и народу стало наконец жить лучше.

Они — за необходимость перестройки.

Но только... не за ту перестройку, которая разворачивается под знаменами демократизации, гласности, сближения с мировым сообществом...

Наши фундаменталисты — против и м е н н о т а к о й перестройки, и всевозрастающая взвинченность их тона, все большая аффектированность их оценок ситуации (мы сейчас, мол, чуть ли не под Сталинградом; ни шагу дальше! мы ведем уже не гражданскую, а Отечественную войну), их социальных обещаний и пророчеств объясняются, я думаю, в первую очередь тем, что и м е н н о т а к а я, внутренне им чуждая и мучительно их страшущая перестройка — плохо ли, хорошо ли — все-таки продолжается, и в общественном сознании все глубже, все прочнее укореняются «непочвенные», «несамобытные» идеи правового государства, рыночной экономики, представительного народовластия, свободы совести и слова, «открытого», «гражданского» общества, плюрализ-

ма не только мнений, но и организаций, личной независимости, суверенности и защищенности человека как от произвола «начальства», так и от диктата правящей идеологии или, допустим, правящего вероисповедания...

Естествен вопрос: какою же они, наши фундаменталисты, хотели бы видеть перестройку? Или лучше так сформулируем вопрос: каким рисуется чаемое ими будущее страны и народа?

Ответ найти нелегко, так как идеологи и публицисты «тройственно-го союза» больше заняты персональными делами супостатов-«перестройщиков», чем изложением сколько-нибудь систематизированной положительной программы. Что же касается лихого выбрасываемых на хоругви и штандарты фраз типа: «Вам нужны великие потрясения, нам нужна великая Россия» или «Русские всех стран, соединяйтесь!» — то в них особый, то есть различительный смысл при всем желании не обнаруживается, ибо, простите, не только «заединщикам», но и всем нам нужна великая Россия, ибо, виноват, не только «заединщики», но и все мы горой стоим за воссоединение разбросанных судьбою по белу свету своих соотечественников...

Словом, приходится собирать ответ буквально по кусочкам, по фразам, часто просто по намекам, да и то в конечном итоге получаешь скорее реестр эмоций и намерений, движущих мотивов.

Ну хорошо, пусть так. Но что же это все-таки за намерения? Что движет нашими фундаменталистами — вне зависимости от того, что они держат на груди: партийный билет или православный крестик?

Прежде всего ими движет, конечно, ощущение, что и во всех исторических бедах страны и народа, и в нынешнем плачевном их состоянии повинны либо внешние обстоятельства, либо некая чужеродная и чужекровная России и русским сила. Имя этих обстоятельств, этой силы у разных авторов само собою варьируется, но... Хотя режьте, я, ей-богу, не могу усмотреть разницу по существу между, допустим, рассуждениями борца за идеологическую «самость», публициста Ю. Жукова:

«Да, мы жили бы куда лучше, если бы не те беды и трагедии, которые выпали на нашу долю. Восьмой десяток лет живем на отвоеванной у капитализма земле, но не было еще ни одного года передышки, когда мы могли бы спокойно перевести дух».

И, предположим, горестными догадками ревнителя национальной «самости», писателя В. Астафьева:

«История России состоит из такой длинной цепи ужасающих трагедий, что невольно задаешься вопросом: не стоит ли за этим чей-то зловещий умысел».

Равным образом нет, на мой взгляд, принципиальной разницы между намеками на то, что это, мол, евреи и вообще инородцы подвели страну к революции, гражданской войне, массовому террору, то есть помешали нам мирно идти по столыпинскому, скажем, пути, и рассуждениями о том, что русскому человеку и сейчас жилось бы совсем не пло-

хо, кабы он не «позволил, по своему доброму характеру, сесть на свою шею «интернационалистам», а точнее — вырождакам без роду и племени» («Литературная Россия», 27 октября 1989 г.), кабы не вынужден он был содержать за свой счет прибалтийских, закавказских, молдавских и прочих «нахлебников».

И разговоры о кознях западных спецслужб, и анкетирование членов первого Совнаркома «по пятому пункту», и нынешние статистические претензии народам союзных республик — от одного корня. И вывод тоже один: все у нас будет хорошо, если только удастся действительно закрыть границу на замок, законопатить не только «окно в Европу», но и щели, добиться не только социальной, но и национальной однородности российского народонаселения. Выдуманное В. Распутиным на Съезде народных депутатов предложение о добровольном выходе Российской Федерации из состава СССР, конечно же, шутка; но только ли шутка?..

Во всяком случае, ничто, пожалуй, так не тревожит сегодня публицистов «тройственного союза», как призрак (пока действительно всего лишь призрак) грядущей — вместе с перестройкой, вместе с новым мышлением — социально-политической, экономической, правовой, информационной, культурной о т к р ы т о с т и нашей страны и нашего общества. О чем бы речь ни заходила — о гастролях западных рок-звезд или о совместных предприятиях, о свободе распространения информации или о необходимости придерживаться международных юридических норм, — приговор у наших фундаменталистов всегда один и только один: закрыть, остановить, пресечь, взять под неусыпный контроль, то есть — в идеале и в перспективе — добровольно отъединиться от окружающего («нечестивого», «погрязшего в скверне и сытости») человечества, уйти в национальную самоизоляцию.

И снился мне кондовый сон России,
Что мы живем на острове одни.
Души иной не занесут стихии,
Однообразно пролетают дни.

Качнет потомок буйной головою,
Подымет очи — дерево растет!
Чтоб не мешало, выдернет с горою,
За море кинет — и опять уснет.

(Ю. Кузнецов)

Я не знаю, чем мы, граждане, займемся и как жить будем, если изоляционистские идеи возьмут верх в сегодняшней смуте, — публицисты «тройственного союза», напомню, уклоняются от предъявлений чертежей и смет, а беллетристам-футурологам, рисующим восторжествова-

ние фундаменталистской грезы (см., например, готовящийся к публикации в СССР роман «Москва 2042» В. Войновича, или уже опубликованную в шестом номере журнала «Искусство кино» за 1989 год повесть «Невозвращенец» А. Кабакова), верить все-таки не хочется...

Так вот, я не знаю, какое будущее может быть нам уготовано. Но я вижу, что именно к этой — центральной — идее подтягиваются решительно все эмоции, соображения и предположения отечественных «хотейнистов»:

- и постоянное, болезненное самовозбуждение «имперской мечтой», воспоминаниями о былом, легендарном величии именно своей нации и именно своего государства или, например, утверждениями о том, что прибалтийские народы не вправе надеяться на суверенитет, ибо — слушайте, слушайте! — «Россия не может лишиться своих земель, приобретенных в кровопролитной борьбе в течение почти семисот лет, сначала с Тевтонским Орденом и далее в войнах с Ливонией, Швецией и отчасти с всегда враждебной Речью Посполитой за геополитический выход в балтийские воды» («Литературная Россия», 27 октября 1989 г.);

- и убеждение, что от пагубного «европейничанья» и «американичанья» нас может спасти только сильная «вера отцов» (в случае И. Шафаревича — это, безусловно, православие; в случае Н. Андреевой, — вероятно, сталинизм) вкупе с сильной же армией;

- и надежда на то, что можно повернуть время вспять, реставрировать давно ушедшие в предание бытовой и хозяйственный уклады, формы государственного устройства, культурно-психологические стандарты «доленинской», а в идеале «допетровской» поры;

- и стремление превратить церковь в фактор государственной, светской жизни, возложить на нее те регулирующие, воспитательные, контрольные, а в перспективе, возможно, и карательные обязанности, которые на протяжении последних десятилетий исполняла у нас правящая идеология;

- и готовность, сопротивляясь власти как бюрократии, так и закона, самозабвенно склониться не перед свободным волеизъявлением народа, а перед властью авторитета, то есть властью аятоллы, харизматического, богоизбранного лидера, «отца» или «отцов» нации;

- и мнение, согласно которому «перестроечный» плюрализм рано или поздно уступит место «неколебимому морально-политическому единству», ибо, как заявляет философ Э. Володин, «политическая дифференциация общества — образование всевозможных союзов, блоков и фронтов, — симптом его нездорового положения»;

- и неприятие вообще всякой, любой дифференцированности, постоянная возгонка и без того прочно укорененных в массовом сознании «уравнительных» настроений, когда кажется: лучше всех оставить одинаково бедными, одинаково больными или одинаково полуграмотными, чем допустить хоть какое-либо «неравенство»;

— и представление о том, что есть в мире ценности выше общечеловеческих («Имперская идея. Это единственное, что выше всех общечеловеческих ценностей», — задумчиво роняет Дудинский; «русский человек — государственный по природе», — солидно подтверждает А. Фоменко), что личная свобода нашим согражданам ни к чему, только во вред она будет и им и миру, ибо, как пишет В. Кожин, «идея свободы являет собой сегодня нечто идиллическое, несовместимое, скажем, с очевидной опасностью глобального экологического катаклизма»*.

Ну, и так далее, и так далее, и так далее.

Как видим, всем нам, если говорить суммарно, клин «идеологического первородства» предлагают вышибить клином «национальной самобытности», или, иными словами, предлагают страну из тупика, в который ее уже завел один «особый путь», перевести не на торную дорогу, которой давно уже идет человечество, а на путь иной, опять-таки «особый».

Вот и спросим самих себя: согласуется ли приведенный выше реестр намерений с целями, ориентирами, практическими задачами сегодняшней перестройки?

И... удержимся от ответа хотя бы потому, что вопрос у нас, похоже, получился риторическим...

Спросим лучше о другом. Согласуются ли принципы домодельного «просвещенного консерватизма» с той консервативной тенденцией, которая действительно возобладали в современном мире и на родство с которой так любят при случае кивнуть наши «заединщики»?

Сопоставим-ка, поглядим уже под занавес: что охраняют «у них» и что пытаются охранять «у нас».

«Ихние» консерваторы горюю стоят, например, за сохранение «открытого», «информационного» общества — «наших» же, похоже, огорчает даже нынешняя гласность, от которой, что греха таить, далековато и до свободы слова в одной, отдельно взятой стране и тем более до свободного обмена информацией в международном масштабе.

«Ихние» всерьез обдумывают проекты создания общеевропейского правительства, ни за что не откажутся от практики международного разделения труда, от деятельного участия своей страны в общемировом экономическом сотрудничестве — «наши» же явно страшатся даже и слабого намека на возможность такого сотрудничества, видят в нем угрозу державной независимости, запугивают и себя и честный народ жуэлом «империализма», который будто бы тут же превратит Советский Союз в колонию, в сырьевой придаток то ли Штатов, то ли ЕЭС, то ли Японии.

«Ихний» консерватизм защищает от «левых» принципы свободной инициативы, конкуренции, частного предпринимательства и частной собственности — «наш» ошетиливается даже при виде первых советских

* Может быть, действительно права русская поговорка, и действительно в огороде — бузина, а в Киеве — дядька?

кооператоров, рисует раздирающие душу картины того, к чему может привести свободная соревновательность сил, идей, талантов, психологических установок, общественных организаций и производственных коллективов.

«Ихний» консерватизм, произрастая, как отмечают исследователи, из классического либерализма, отводит государству роль своего рода «ночного сторожа», исключает какое-либо нарушение суверенитета личности, какое-либо ее подчинение интересам сословия, класса, нации, государства, веры — «наш» же, произрастая из столь же классического тоталитаризма, напротив, хлопочет об ужесточении контроля над умами и душами, лишь вывески меняя в определении того, кому на этот раз должен служить, чему в данный исторический момент должен подчиниться советский человек...

Эти соотносительные пары можно было бы и дальше выстраивать, но надо ли?.. И без того, надеюсь, уже видна и р о н и я идеологических процессов и пропагандистской терминологии, состоящая в том, что «наши» консерваторы пытаются предохранить, уберечь общество именно от того, без чего «их» консерваторы жизни себе не мыслят. Понятия «правизны» и «левизны», пересекая государственную границу, меняются, как в контрдансе, местами и ролями, так что действительно трудно не улыбнуться: «Правая, левая, где сторона?» — отметив, как тесно смыкаются идеи сегодняшних советских «леваков», «радикалов» и «авангардистов» с идеями «западных» консерваторов и насколько несовместим с ними комплекс лозунгов и настроений сегодняшних советских фундаменталистов.

Это во-первых. А во-вторых...

Доказывая в интервью газете «Правда» (20 октября 1989 г.), что «просвещенный консерватизм — неотъемлемая и необходимая часть всех демократий», Станислав Куняев заявил: «...Без просвещенного консерватизма общество будет напоминать автомобиль без тормозов», — и с ним нельзя не согласиться — либо в теории, либо применительно к практике «западных» демократий, где механизмы принятия ответственных или, как у нас выражаются, судьбоносных решений настолько отлажены и баланс интересов соблюдается столь строго, что обществу, государству уже не грозит опасность, сделав один неверный или пусть даже просто неосторожный шаг, незаметно для себя соскользнуть в пучину потрясений — хоть социальных, хоть национальных.

Честное слово, я надеюсь, что и мы когда-нибудь увидим небо в алмазах, вздохнем наконец свободно и спокойно: писатели займутся художеством, словотворчеством, читатели — чтением, а политические деятели — выработкой взвешенных, сбалансированных решений в условиях консенсуса, взаимодополняющего, взаимокорректирующего и взаимосогласованного с о т р у д н и ч е с т в а «правых» с «левыми», «консерваторов» с «радикалами», «утопистов» с «прагматиками».

Но это, увы, всего лишь мечта, идеал, к которому должно стремиться.

Есть и реальность.

Та реальность, где ситуация настолько же не походит по к а на общемировую, насколько «западный» консерватизм не походит на отечественный, и насколько консервативный девиз «кров и почва» отличен от фундаменталистского лозунга «кровь и почва».

Та реальность, где после некоторого замешательства будто грибы начали расти «неформальные» организации вроде «Единства», «Отечества», «Возрождения», «Содружества», «Обновления», «Товарищества русских художников», Объединенного совета России и Объединенного фронта трудящихся, где к «правым» (нашим, понятно, «правым»), словно по команде, стали один за другим переходить все новые и новые органы печати — от «Московского литератора» до «Литературной России», от «Слова» до «Советской литературы», от «Знаний — народу» до «Московского вестника».

Та реальность, где, по характеристике заместителя Председателя Совета Министров СССР, академика Л. И. Абалкина, «нарастающие трудности, ностальгия по прошлому» у же «привели к формированию правоконсервативного блока общественных сил» и «этот блок набирает силу и представляет собой весьма серьезную угрозу перестройке».

Та реальность, где действительно, по слову поэта, «и так все держится едва, на ниточке висит, цепляется, вот рухнет...» и где не только осознанная воля большинства народонаселения, но и случайное стечение обстоятельств может определить будущее страны на долгие, долгие годы...

Возможно ли, нравственно ли, патриотично ли, спрошу, в условиях этой реальности прятаться «в красивые уюты», убаюкивать себя словами о «консолидации» и «соборности», высокомерно отворачиваться: «Чума на оба ваши дома!» — или хладнодушно соглашаться с этими и теми, брать что-то «у Шафаревича», что-то «у Сахарова», что-то из листовок «Памяти», что-то из программы межрегиональной депутатской группы?

Время слишком серьезно.

Выбор слишком ответственен — не менее, может быть, ответственен, чем в октябре Семнадцатого, когда судьба России, всего нашего многонационального Отечества решилась едва ли не на столетие.

В обществе идет мучительная, болезненная, трудная, но необходимая всем нам борьба идей.

И спорят не писатели, не публицисты, не парламентарии.

Спорят две России, и каждый — писательский ли, читательский ли — голос в этом споре — не лишний.

Будем же помнить:

Громада двинулась и рассекает волны...

Будем же — и каждый в отдельности, наедине со своей совестью, и все вместе, в согласии с народом — решать:

Куда ж нам плыть?..

«ОДНА ЛЮБОВЬ, НО НЕОДИНАКАЯ»

(Вместо постскриптума)

Статья, которую вы только что прочли, была напечатана в первом номере журнала «Знамя» за нынешний год.

На нее откликнулись.

Дважды «Литературная Россия» — сначала неподписанной редакционной репликой (26 января), где было сказано, что автор «Ситуации» лжет и кощунствует; затем пространными рассуждениями В. Коробова (23 февраля) о том, что вышеупомянутая статья «удивляет (даже и в наше время) бедностью материала, скудостью анализа и — одновременно! — обилием резких, злых, бешеных, на грани истерики, обвинений не столько литературного, сколько политического толка...».

И дважды «Литературная газета». Р. Гальцева и И. Роднянская (7 марта) заподозрили автора «Ситуации» в том, что он работает «на некое новое размежевание» в обществе и в культуре, рискуя оказаться не с теми, «кто за свободу и кто за истину», а «по другую сторону черты». А. Латынина (18 апреля) поддержала это обвинение, прибавив к нему, что вот такие-то, как С. Чупринин и как (еще один латынинский пример) Т. Толстая, как раз и мешают «коню сбросить всадника», то есть мешают обществу освободиться из-под ига мертвящей идеологии и партократии.

Избави Бог ставить — даже в запальчивости — знак равенства между забавно сомкнувшимися в своих антипатиях авторами «Литературной России» и «Литературной газеты»! Различие огромно. Оно, помимо всего прочего, уже в том, что первые явно метят в меня лично, лично меня хотят задеть и опорочить, тогда как вторые бьют не по лицу, а по убеждениям, по идеям, имея в виду не столько скомпрометировать критика «Знамени» (это у И. Роднянской, Р. Гальцевой, А. Латыниной, к сожалению, тоже есть, но это, к счастью, попутно), сколько развеять, говоря словами А. Латыниной, «определенное умонастроение», в моей статье лишь зафиксированное.

Я вижу это различие. Я подтверждаю его тем, что ни полусловом не заслонюсь от нападок авторов «Литературной России»: нам все равно, видимо, друг друга не понять, так что пусть себе злобятся!

А вот рассерженным воительницам отечественной критики отвечу. Потому, во-первых, что издавна привык с уважением прислушиваться к их мнению — хотя мне часто и не ближнему, зато всегда просвещенному. Потому, во-вторых, что мне, как и А. Латыниной, до сих пор кажется, что «не столь существенны наши расхождения», что говорим мы на

одном в принципе языке, к одному по сути стремимся, а значит, возможен еще диалог, возможно взаимопонимание. И потому, в-третьих, что пора бы нам наконец выяснить, отчего этот диалог прерывается, едва начавшись, и отчего мы, кому, казалось бы, на роду написано спорить, но быть вместе, продолжаем потешать честной народ раздорами.

Говоря так, я вовсе не призываю отказываться от всего, что нас разделяет, что отличает, например, позиции «Нового мира» от позиций «Знамени». Я убежден, что нет ничего глупее и пошлее сейчас, чем попытки неразборчивой «консолидации на принципиальной основе», когда разногласия, движущие общественную мысль, загоняются внутрь и полезным, как встарь, считается принудительное (или добровольно-принудительное) единодушие. Нет уж, останемся разными. Останемся людьми разных убеждений, разных партий, но... одной крови, одной культуры, одних понятий о том, что нравственно и что безнравственно.

Слава Богу, у нас есть воодушевляющий пример: диалогические отношения, то есть спор, Андрея Дмитриевича Сахарова и Александра Исаевича Солженицына.

Впрочем, этот пример далеко не всех, похоже, воодушевляет.

В. Кожин в заявлении недавно по телевидению, что Сахаров Солженицыну не ровня, что между ними нет и не могло быть ничего общего, поэтому какой уж там диалог!.. И. Роднянская и Р. Гальцева, напротив, нашли, что Сахаров и Солженицын едва ли не близнецы-братья, поэтому уместно говорить не об их споре, а о досадном недоразумении, снятом позднейшим путем Сахарова к Солженицыну.

В. Кожин никак не аргументировал свою оценку — значит ею смело можно пренебречь. И. Роднянская и Р. Гальцева аргументы привели — следовательно, нужно принять во внимание те мотивы, которыми они руководствовались, решительно осуждая включение в подборку «Уроки А. Д. Сахарова» («Знамя», 1990, № 2) известной сахаровской работы 1974 года «О письме Александра Солженицына «Вождям Советского Союза».

Вот эти мотивы:

нельзя печатать сахаровский ответ до тех пор, пока Солженицын не даст разрешение на публикацию в СССР своего письма;

незачем возвращаться к давней полемике, поскольку она объяснялась только тем, что Сахаров не сразу верно понял Солженицына; когда же понял, то «сблизился с Солженицыным» по всем принципиальным вопросам и уже «в 1975 году полемика между ними знаменательно прекратилась», а сам «Андрей Дмитриевич напоследок посвятил силы осуществлению» всего того, что Солженицын гениально предугадал и задумал еще в своем обращении к «вождям»;

и вообще не следует напоминать о «преодолеваемых и преодоленных» разногласиях, ибо это напоминание пойдет современникам и соотечественникам двух выдающихся мыслителей не на пользу, а исключительно во вред...

Хочу надеяться, что позиция Р. Гальцевой и И. Роднянской изложена здесь достаточно корректно. Хочу надеяться и на то, что они с пониманием отнесутся к встречной аргументации.

Но сначала нужно кое-что уточнить.

Не стоило, право же, столь опытным полемистам, как Р. Гальцева и И. Роднянская, попадать впросак, строя доказательства о «знаменательном» прекращении полемики в 1975 году только на том, что Сахаров будто бы не включил отклик на «Письмо вождям...» в свой сборник «О стране и мире».

Как указала вдова покойного Е. Боннэр («Литературная газета», 2 мая 1990), в сахаровскую книгу «О стране и мире» 1976 года (изд. «Хроника», Нью-Йорк) этот отклик на самом деле был включен (откуда его, кстати, и взяла редакция «Знамени»). Вошла названная сахаровская работа и в подготавливавшуюся еще при жизни автора книгу «Тревога и надежда» (изд. «Интер-Версо», М.), причем, как подчеркнуто в предисловии, «Андрей Дмитриевич Сахаров сам решил, что включить в эту книгу. Первую книгу работ по гуманитарным проблемам, выходящую на его Родине»^{*}.

Так что...

Да и с Солженицыным-полемистом все не столь благостно и просто. Он, тут нет сомнения, бесконечно высоко ценил Сахарова (и Сахаров неизменно отвечал ему тем же), но спорить спорил: как до выделенной Р. Гальцевой и И. Роднянской «знаменательной» даты, так и позже. Достаточно взять только некоторые вехи: от работы «На возврате дыхания и сознания» (1969—1973), которой Солженицын отозвался на «Размышления о прогрессе, мирном сосуществовании и интеллектуальной свободе», и специальной статьи «Сахаров и его критика «Письма вождям» (1974) до выступлений в Японии, состоявшихся в ту пору, когда Сахаров томился в горьковской ссылке, и уже поэтому вызвавших немалое волнение в зарубежной русской печати (см., например, «Вестник русского христианского движения», 1983, № 140)...

К чему я клоню?

К тому, что, оставаясь разными и десятилетие по крайней мере проведя в напряженном споре, можно, оказывается, глубоко уважать и своего оппонента, и его убеждения.

^{*} Во всех этих разъяснениях отпадет нужда, когда читатель познакомится с «Воспоминаниями» А. Д. Сахарова, анонсированными журналом «Знамя» на конец 1990 и начало 1991 года.

Вот что, в частности, там написано: «Принимая Солженицына таким, как он есть, восхищаясь им, я одновременно думаю, что нельзя замалчивать недостатки его выступлений, как они мне видятся, нельзя уходить от открытой дискуссии. Ее необходимость усиливается тем, что, по-моему, спорными являются и некоторые принципиальные основы позиции А. И. Солженицына». И дальше: «Я отношусь к взглядам и позиции Солженицына с глубоким уважением, хотя в чем-то они мне кажутся неправильными».

К тому, что, глубоко уважая своего оппонента, солидаризируясь с ним в главном, сотрудничая с ним всюду, где только нужда возникнет, можно и должно отстаивать собственный взгляд на страну и мир, собственное понятие о том, куда ж нам плыть.

Переберите в памяти устные и печатные выступления Сахарова уже «послегорьковского» периода: он стоит на своем, в том числе и на том, что было обдумано, что было выверено в споре с Солженицыным.

На убеждении в приоритетности интересов и ценностей личности перед интересами и ценностями нации и государства (Солженицыну ближе мысль о первенствующей роли «нации-личности в личностной иерархии христианского космоса»).

На вере в то, что только конвергенция, сближение даст перспективу странам с разным историческим опытом и социальным укладом (по Солженицыну же, «...перспектива конвергенции довольно безотраднa: два страдающих пороками общества, постепенно сближаясь и превращаясь одно в другое, что могут дать? — общество, безнравственное вперекрест»).

На первоочередной необходимости развития в стране практики многопартийной парламентской демократии (по оценке Солженицына, «...сегодня меньше, чем все минувшее столетие, приличествует нам видеть в западной парламентской системе единственный выход для нашей страны»).

И так далее, и так далее — вплоть до включенной в сахаровский проект Конституции мечты о «мировом правительстве» (Солженицын: «Какое может быть мировое правительство, если Объединенные Нации — балаган, просто балаган...»). И тезиса о том, что надежным гарантом гражданских прав и свобод могло бы стать право советских людей на эмиграцию, то есть на свободный выбор страны проживания («А я считаю, — сказал, как отрубил, Солженицын, — что это 35-е право человека»)...

А разве не показательно то, сколь по-разному отреагировали власти наших дум на процессы, начатые перестройкой?

Солженицын замолчал, наложил запрет на обнародование в СССР своей публицистики, — вероятно, и в самом деле опасаясь, что слово его «может быть подхвачено мутным потоком и послужить не миру, а раздору». Сахаров же, едва это только стало возможным, ринулся в самое половодье политической жизни — для того, чтобы своим авторитетом, своим словом и деятельным участием усилить те позиции, которые полагаля верными...

Так надо ли нам теперь поучительную «драму идей», высокий пример «единства в споре» превращать — по совету Р. Гальцевой и И. Роднянской — в благостный миф о будто бы «нераздельности» взглядов Сахарова и Солженицына? И не уместнее ли будет в данном случае диалектическая блоковская формула о «нераздельности и неслиянности» — той интеллектуальной, духовной нераздельности и неслиянности,

которую «западник» Герцен еще раньше отметил, говоря о «славянофилах»: «У нас была одна любовь, но **неодинакая...** И мы, как Янус, или как двуглавый орел, смотрели в разные стороны, в то время как **сердце билось одно**» (выделено А. И. Герценом.— С. Ч.)?

Я согласен: до уровня отношений «западников» и «славянофилов» в XIX веке, Сахарова и Солженицына в веке XX нам, пожалуй, не дотянуться. Но следует ли из этого, что тянуться вообще незачем? Следует ли по-прежнему выбирать между фальшивой «консолидацией» и обоюдоопасной «конфронтацией», тогда как есть ведь и третья, самая, на мой взгляд, цивилизованная форма отношений между разномыслящими, но глубинно близкими людьми,— сотрудничество?

Говоря так, я отнюдь не призываю к неразборчивости в связях. Сотрудничество не самоцельно. Напротив, оно только и возможно при движении разными путями — к единой цели, куда более значительной в наших глазах, чем тактические разногласия или всякие там, допустим, взаимные обиды, симпатии-антипатии. Сотрудничество добровольно и избирательно. Оно немыслимо без общей нравственной, мировоззренческой почвы, вне системы строгих внутренних ограничений, и не придет же мне в голову предлагать сотрудничество тем, чья психика изуродована расистской одурью, чьи национал-большевистские лозунги опасно напоминают национал-социалистические и чьи действия объективно ведут к тому, чтобы, переменяв флаги и декорации, обновив пропагандистскую фразеологию, сохранить за нашей многострадальной страной дурную славу ошетилившейся ракетами, наглухо замкнувшей ворота и раздавившей инакомыслие «тюрьмы народов».

Взгляды И. Роднянской, Р. Гальцевой, А. Латыниной, взгляды их — многочисленных, я полагаю, — единомышленников ничего общего с подобной гремучей смесью не имеют, поэтому...

Поэтому я и говорю им: признай мы сотрудничество, единство в споре нормой, прислушайся мы друг к другу повнимательнее — и добрая половина наших разногласий покажется, если и не плодом недоразумения, то свидетельством возможности разных подходов, разных путей к близкой в общем-то оценке тех или иных явлений и процессов.

Вот один только пример.

Сначала Р. Гальцеву с И. Роднянской, а затем и А. Латынину насторожила, а может быть, и напугала моя фраза о том, что и в годы перестройки, увы, «распадение культуры надвое сохраняется, но демаркационная линия проходит совсем не там, где раньше». Не между официозом и оппозицией, как это было в предыдущие десятилетия советской истории, а между «самобытниками», стремящимися под любым (большевистским ли, националистическим ли) девизом отъединить судьбу России от судеб мировой цивилизации, и «конвергентными», то есть теми, кто мечтает вернуть всех нас в семью народов, найти всем нам жилье не на отшибе, а в общеевропейском, общемировом доме.

Мы не хотим «выбирать один из предложенных в январской книжке «Знамени» «стульев», — сухова́то заявили Р. Гальцева и И. Роднянская. Наши различия день ото дня умножаются, «мы не делимся на патриотов и непатриотов, на самобытников и западников, а если делимся, то деление это глубоко второстепенно нынче: ну, скажем, как попытка разделить наш парламент на высоких и низких», — съязвила А. Латынина.

И зря, мне кажется, съязвила.

Почему? Да потому, что в следующем же — после остроты о «высоких и низких» — абзаце латынинской статьи речь пошла о ситуациях, которые «требуют нашего выбора, четкого ответа: да или нет».

Это и политическое, идейное противостояние «Демократической России» (а кто там собрался? Не «самобытники» же, одни «западники», если воспользоваться терминологией самой А. Латыниной) «Блоку общественно-патриотических сил», то есть политическому аналогу писательской «заединщины».

Это и отношение к вопросам о правовом государстве, формах собственности, свободе печати, многопартийности, где стороны поляризуются и поляризуются они все по той же схеме.

Это и только что бушевавшие на наших глазах, а отчасти и с нашим участием, схватки вокруг журналов «Октябрь» и «Ленинград», вокруг «Аргументов и фактов», «Книжного обозрения», вокруг «Апреля» и вокруг много чего еще.

Значит, есть все-таки ситуации, и на каждом шагу они, к несчастью, встречаются, когда действительно приходится выбирать один из двух «стульев» и отказ от этого выбора равнозначен передаче своего голоса лютому недругу?

Так надо ли нам, споря, ссориться, подозревать друг друга и обвинять друг друга? Бог знает в чем, уважаемые оппоненты из «Нового мира» и «Литературной газеты»?

Вам кажется, что мировоззренческая «многопартийность» вернее схватывает богатое многообразие наших натур, чем жесткая поляризация, убивающая полутона, оттенки, нюансы?

И я того же мнения, но, обеими руками голосую и за многопартийность в обществе, в культуре, и даже за «беспартийность» (тоже ведь неплохое дело для художника, вообще для частного человека — быть беспартийным!), я нахожу, что сейчас все-таки и время «партийной» ангажированности, идеологической поляризованности, и время сложения

* Сошлюсь на авторитетное мнение В. И. Вернадского. прозвучавшее 3 мая 1917 года:

«Бывают грозные эпохи в жизни страны, когда ни один человек нравственно не должен сметь оставаться вне политических партий, так как только этим путем он сможет стать свободным гражданином, будет закономерно проявлять свою волю и свою мысль в политической жизни, работать над превращением аморфной и мятущейся толпы в стройное организованное целое, обладающее возможностью влияния и воздействия на политическую жизнь страны».

сил: хороши были бы, к примеру сказать, на выборах народных депутатов России кандидаты-демократы, кабы они не в блок объединились, не под одним флагом выступали, а действовали разобщенно, защищая прежде всего личные «нюансы», а не общность — в главном, в решающем — своих позиций.

Вы радуетесь тому, что «и в правом стане (после поражения на выборах.— С. Ч.) наступает как будто отрезвление или по крайней мере раскол»?

Что же, и я готов порадоваться этому вместе с вами, но я на последнем по счету, седьмом пленуме правления Союза писателей РСФСР услышал не только (и не столько) покаянные речи, призывы к гражданскому миру, сколько смутные угрозы. После проигрыша «одна надежда,— это я цитирую Владимира Бондаренко,— на «грозу в начале мая», хорошую очистительную грозу, которую мы все любим». Вот почему, прежде чем ликовать, я хотел бы узнать, что означает сия «политическая метеорология» и уж не согласуется ли сделанный В. Бондаренко в апреле прогноз с тем, что обещали на начало мая, да, по счастью, не сумели выполнить молодчики, являвшиеся в Центральный Дом литераторов 18 января сего года?..

Вам кажется, что результаты голосования на недавних выборах в Москве, в Ленинграде, в Свердловске, в некоторых других крупных городах сняли, устранили из повестки дня правую, национал-шовинистскую угрозу и что, дескать, комично выглядит «Огонек», лупящий по мишени, которая давно будто бы упала?..

Не знаю, не знаю... Я, например, поостерегся бы вышучивать «Огонек» — этот журнал своими публикациями, право же, сделал для победы демократических сил (и для предотвращения погромов!) гораздо больше, чем иные, так сказать, «миролюбивые» издания. Это во-первых... А во-вторых, я и рад бы присоединиться к мнению А. Латыниной об опереточности «ультраправых», но листаю вот тот самый номер «Литературной газеты», где на четвертой полосе напечатана ее статья, и что же нахожу на второй?.. Не мнение уже, а факт: сообщение о том, как во время митинга 12 марта возле площади Маяковского в Москве «молодые ребята в омоновской форме били собравшихся с кличем «жиды пархатые», «ублюдки сионистские»... Не чернорубашечники, заметьте, из «Памяти» так били и так кричали, а ребята из ОМОНа (отряда милиции особого назначения), те самые, кому в кризисной ситуации будет вверена наша с вами безопасность. Кто-то же именно так натаскивает, именно на это наускивает мальчишек в грозной форме и с грозным оружием в руках...

Так чему же больше верить: факту или мнению литературного критика?

Наверное, все-таки факту, тем более что мнения меняются, и А. Латынина — после инцидента в ЦДЛ, после выступлений лидеров «Памяти» по телевидению, в «Литературной России», в некоторых дру-

гих изданиях — уже не предлагает, кажется, предоставить нашим «ультраправым» возможность беспрепятственного высказывания, как предлагала еще два года назад...

Впрочем, оставим иронию — она и неконструктивна, и неуместна, когда речь идет о серьезных вещах.

А мы, начав, казалось бы, с узколокального выяснения отношений, перешли к вещам, как видите, действительно серьезным: к вопросу о самоопределении российской интеллигенции на очередном грозном перевале нашей истории.

Нам — и «левым», как сейчас принято выражаться, радикалам, и тем, кто хотел бы занять место в «центре» политического спектра, — есть что сказать друг другу.

Нам есть что друг от друга услышать.

Так продолжим же спор — помня о своем глубинном, внутреннем единстве, ориентируясь на вдохновляющий пример Сахарова и Солженицына.

Ибо мы, — припомню авторитетное для всех нас суждение Сергея Аверинцева, — «достаточно опытные, чтобы знать, до чего мы разные, но только все вместе мы составляем отечество, не говоря уже о человечестве. Какие есть. Как сказано у Гегеля, истинное — это целое».

СОДЕРЖАНИЕ

Ситуация	3
«Одна любовь, но неодинакая»	39

ЧУПРИНИН Сергей Иванович

СИТУАЦИЯ

Борьба идей в современной литературе

Редактор О. Н. Хлебников

Технический редактор Т. Я. Ковынченкова

Сдано в набор 3.07.90. Подписано к печати 7.08.90.
Формат 70 × 108¹/₁₆. Бумага газетная. Гарнитура «Гарамонд».
Офсетная печать. Усл. печ. л. 2,10. Усл. кр.-отт. 2,28.
Уч.-изд. л. 3,17. Тираж 150000 экз. Заказ № 2527.
Цена 10 коп.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография
имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда».
125865 ГСП, Москва, А-137, ул. «Правды», 24.